

# Неодолимая сила

Ленина — Сталина возглавляет неукротимое движение наше вперед, в сторону коммунизма.

Не так давно приезжал в Москву дважды Герой Советского Союза, прославленный партизанский командир, а теперь заместитель председателя Верховного Совета Украинской ССР С. А. Ковпак. Он рассказывал о том, как довелось ему снова побывать в Путивльских лесах — там, где пять лет назад собрались на его зов партизаны, где готовился славный карпатский рейд.

Целью деревни были сметены здесь немцем с лица земли, — вспоминал С. А. Ковпак. — А сегодня следов разрушения уже и не видно. Новостройки, новостройки в каждом колхозе, в каждом селе. Район досрочно выполнил первую задачу: полностью рассчитался с государством по хлебобобовым. И озимь посеяна на будущий год с перевыполнением плана.

Недавний партизанский командир встретился с недавними своими бойцами. Он говорит об одном из них: — Бывший рядовой партизан С. Колачевский стал теперь председателем одного из лучших колхозов Путивльского района. Необычайно трудным делом было восстановление хозяйства, — почти без тягла, первое время без машин. Когда в разгар работ в МТС бросили два-три новых трактора, они поглотились, как резерв в горячем бою...

Обо многих людях и о нынешнем их труде рассказал С. А. Ковпак и заключил: — Главная сила всегда была, есть и будет — сила народа. Тысячи и тысячи тружеников, — те, кто бесстрашно шел в бой за родную землю, — сегодня вновь доказывают преданность партии, правительству. Родные самоотверженными своим трудом. В народе, в народе — вся наша сила...

И так всякий, кто лишь попытается пристально взглянуть в то, что происходит вокруг, кто вслушается в биение пульса родной страны, — сразу же оупит гордую радость, которую приносит сознание, что каждое твое усилие становится частью единого усилия всего твоего народа, сливается с вдохновенным трудом, украшающим Родину и рождящим желанное счастье.

Далеко достигает мечта советского человека. В тяжкие годы войны, — и тогда не осудеда, а лишь еще смелее стала наша мечта. Во фронтовых землянках, в бараках, школьных залах на Урале и в Сибири вокруг эвакуированных заводов, ночами у костров, разожженных в полевых колхозных станах, мечтали наши люди о том, какою предстанет перед их глазами родная земля. И эта мечта о цветущей и обильной земле, валежалой неустанным трудом собственных рук, была и мечтой о личном счастье.

Война окончилась, и почти тотчас распахнувшись перед нами завеса, открыл глазам наше близкое будущее. Мы заглянули в собственный завтрашний день и увидели там новые города и заводы, новые дороги в глухой тайге и в жарких степях, тучные колоса, шумящие в колхозных полях, корабли в морях, груженные платформами на железнодорожных путях, свет в окнах новых домов, — достаток и изобилие в стране и в ее домах, счастье в собственном сердце.

Такая явилась нам наша близкое будущее; его раскрыл нам закон о плане первой послевоенной пятилетки, и в законе этом с предельною полнотою и со всей их смелостью отразились мечты каждого советского человека и всего нашего народа. Превращение мечты народа в государственные законы возможно только в нашей стране, где власть безраздельно принадлежит народу и где выростая из недр народных, объединившая в себе лучшие силы наших и передовые умы, великая партия

самоотверженный и беззаветный труд во имя общего блага стал единственной мерой человеческого сима и способностей, мерником доверия нашего друг к другу, источником славы, основой всей жизни.

Сталинский блок коммунистов и беспартийных — неразрывное единение людей, спаянных общим трудом, проверивших себя в этом труде, закаливших свои силы в испытаниях войны, переживших общее счастье величайших побед.

Сила вдохновения нашего труда позволяет нам переключать скорости времени. Из героического города Ленина раздались призывы, немедля подхватившие всею страной:

— Пятилетку — в четыре года!  
— Время, вперед!..

И сообщения о тысячах людей, опередивших время, о людях, намечивших для себя личные пятилетние планы и за год проделавших то, что планировалось на два и на три года, — подкрепляют неопровержимую реальность этого призыва.

Сверхающие вершинами, открывшиеся нам за гранью пятилетки, становятся для нас неизмеримо ближе благодаря единому порыву вдохновения и энтузиазма.

В происходящих сейчас в нашей стране выборах в местные Советы сказывается все та же установившаяся у нас законная мера сил и способностей человеческих: доверие тем, кто оправдал его трудом на благо Родины.

На одном из подмосковных заводов, в Тушино, рабочие выдвинули своим кандидатом бригадир слесарей Александра Ионов.

И, выбирая, напомнили то, что он говорил, придя на завод в первые послевоенные дни:

— Воевали мы неплохо, — сказал тогда Александр Ионов. — Жить научились еще дружнее. И стране нам нужно сделать такую, какой она еще никогда не была. Многие зависят от нас, от нашего умения, от наших рук...

В Калининской области, в зубцовском колхозе «Красная нива», выдвинули колхозники в областной Совет Марию Яковлевну Жукову.

Назвав ее имя, перечисляли все, что сделала она для артели, называли цифры выработанного ею колхозного поголовья, рассказывали о том, как заботится она о скотах и вдовах, как растит и делает артельное хозяйство. А из всех перечисленных дел вывели:

— Мы знаем, что Мария Яковлевна Жукова будет верой и правдой служить своему народу, как служила до сих пор.

Так малыми делами доказывает советский человек свое право на большое доверие, и плодотворный труд становится верной порукой государственной зрелости.

Более четверти века назад писал великий Ленин о первом субботнике на Московско-Казанской дороге. В одном из первых, единичных фактов самоотверженного добровольного труда Ленин видел одну из ячеек нового, социалистического общества, один из ростков коммунизма. На будущее цветение тех ростков надеялся Ленин. Он писал о господстве буржуа и об их прихвостниках, называвших надежды коммунистов «баабом» в горшке от редезы. Нет, не в «горшке от редезы», а на волевой и щедрой почве расстала партия Ленина — Сталина победы фронта. За немногие годы разрослись эти молодые побеги, стали могучими и несгибаемыми, гордыми и неукротимыми.

И неодолимая сила народа стала в них животворным соком, вырабатывающим новые и новые победы, поднимавшиеся все выше и выше, неукротимо стремящиеся к солнцу — к солнцу коммунизма.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

# ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

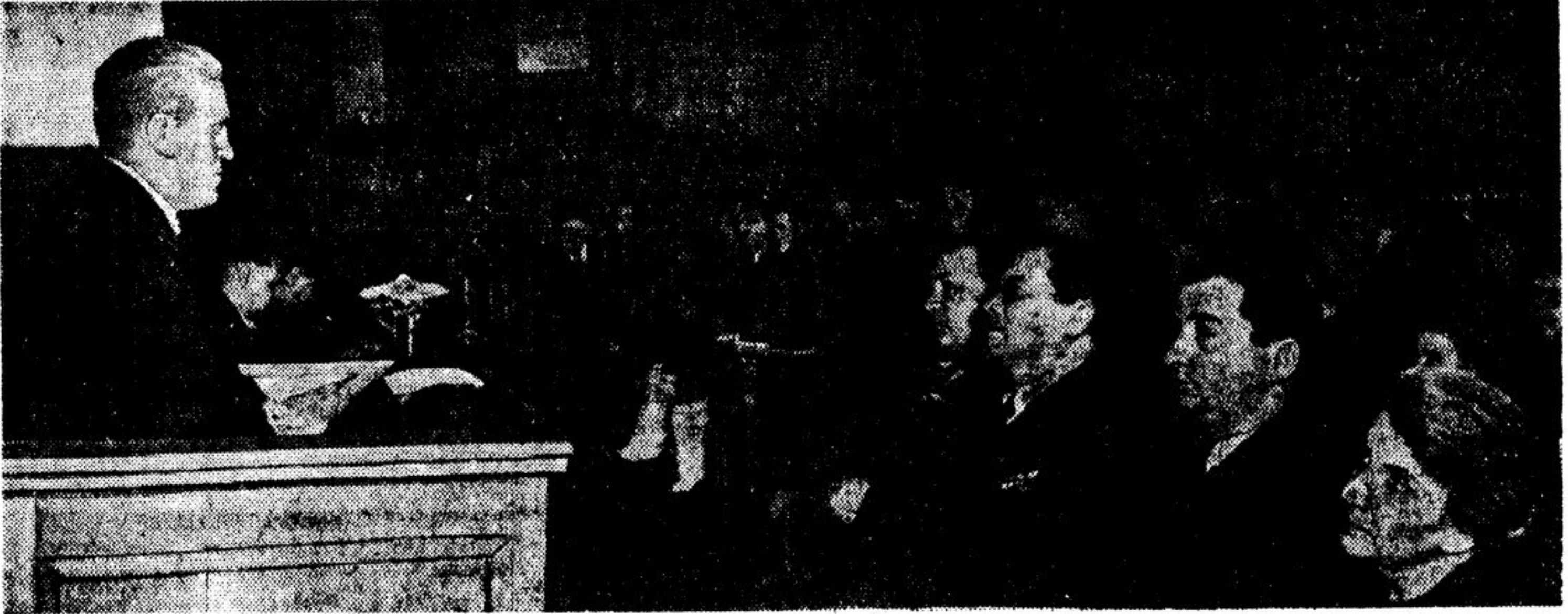
ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 58 (2373)

Среда, 26 ноября 1947 г.

Цена 40 коп.

## Московские и ленинградские писатели — кандидаты в депутаты местных Советов



На предвыборном собрании московских писателей. На трибуне — Н. С. Тихонов.

Фото Е. ТИХАНОВА.

В Центральном доме литераторов состоялось общее предвыборное собрание московских писателей для выдвижения кандидата в депутаты Московского городского Совета депутатов трудящихся.

На трибуне — Николай Тихонов. С момента последних выборов, в 1939 году, — говорит он, — прошла целая эпоха. Грандиозные изменения произошли в нашей стране за эти исторические годы. Советский народ необыкновенно вырос. Он предъявляет большие требования к тем, кому доверяет строительство своего государства. И мы, писатели, должны выбрать лучших из своей среды, тех, кому можем поручить представлять в Совете депутатов трудящихся Москвы — столицу мира.

Я предлагаю выдвинуть кандидатом в депутаты Московского городского Совета замечательного русского писателя, чье имя стоит в первом ряду советских и мировых литераторов, чьи глубоко идейные и высокохудожественные произведения ценятся народом, — прекрасного большевика, преданного сына своей страны Александра Александровича Фадеева.

Горячим аплодисментами выражает зал свое единодушное согласие выдвинуть кандидатом в депутаты Московского городского Совета А. Фадеева.

Словно предостерегается молодому поэту П. Воронько. — Сегодня, — говорит П. Воронько, — москвичи выдвигают лучших своих сынов в городской Совет. Я предлагаю в качестве кандидата в депутаты одного из талантливейших советских писателей, передового строителя нашего общества Леонида Максимовича Чуковского. Прекрасный романист, знаменитый публицист, воспитатель литературной молодежи, отдавший ей свой писательский опыт, — таким все мы знаем Чуковского.

Выступивший затем П. Скорыев горячо поддерживает кандидатуру А. Фадеева и Л. Чуковского и в свою очередь предлагает выдвинуть кандидатом в депутаты Московского городского Совета одного из зачинателей советской прозы, талантливого художника Всеволода Вячеславовича Иванова.

Высокую характеристику писателям, выдвинутым в кандидаты депутатов Московского городского Совета, дали А. Чаковский, А. Ибях, Л. Сугоцкий, Е. Долматовский, В. Гольцев.

Обсудив вопрос о выдвижении кандидата в депутаты Московского городского Совета депутатов трудящихся, собрание московских писателей единодушно постановило:

Выдвинуть кандидатами в депутаты Московского городского Совета депутатов трудящихся:

по 854-му избирательному округу — Александра Александровича Фадеева;

по 857-му избирательному округу — Леонида Максимовича Чуковского;

по 869-му избирательному округу — Всеволода Вячеславовича Иванова.

С большим воодушевлением приняли собрание писатели приветствие вождю народов, вдохновителя и организатора наших побед товарищу Сталину.

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). В Большом зале Дома писателей им. Маяковского состоялось собрание писателей, посвященное выдвижению кандидатов в депутаты Ленинградского городского и Дзержинского районного Советов депутатов трудящихся.

А. Гитович предложил выдвинуть кандидатом в депутаты Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся по 223-му избирательному округу председателя правления Ленинградского отделения Союза советских писателей Александра Прокофьева. Характеризуя творческую и общественную деятельность поэта, А. Гитович говорит: — В годы гражданской войны 18-летний ладожский рыбак Александр Прокофьев добровольно вступил в ряды Красной Армии, чтобы защищать революционный Петроград от банд Юденича. С тех пор вся биография тов. Прокофьева — писателя и гражданина, неразрывно связана с городом Ленинградом. Он является одним из защитников Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. В самое тяжелое время блокады в героическом городе звучал му-

жественный голос поэта-ленинградца Александра Прокофьева.

Предложение А. Гитовича было горячо поддержано М. Дулиным.

Л. Браусевич предложил выдвинуть кандидатом в депутаты Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся по 221-му избирательному округу Леонида Рахманова.

Советским читателям и зрителям, — указывает т. Л. Браусевич, — хорошо знаком имя Л. Рахманова, драматурга и прозаика, автора ряда талантливых произведений о людях науки, посвятивших себя служению народу.

Поддерживая кандидатуру Л. Рахманова, А. Зинович говорит, что писатель, создавший замечательный образ «депутата Балтия», — профессора Полежаева, — будет достойным депутатом в Ленинградском Совете.

В. Владимиров вносит предложение выдвинуть кандидатом в депутаты Ленинградского городского Совета по 227-му избирательному округу одного из лучших советских сценаристов и драматургов Бориса Чиркова. Фильмы, поставленные по сценарию Б. Чиркова, — «Чкалов», «Зоя», «Великий перелом», «Собителити» — выдающиеся произведения советского искусства.

Творчеству и общественной деятельности Б. Чиркова посвятив свою речь выступивший на собрании В. Дружин.

Общее собрание ленинградских писателей единогласно приняло постановление: выдвинуть кандидатами в депутаты Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся:

по 223-му избирательному округу — Александра Андреевича Прокофьева;

по 221-му избирательному округу — Леонида Николаевича Рахманова;

по 227-му избирательному округу — Бориса Федоровича Чиркова.

По предложению А. Решетова, Л. Борзова и Б. Лихарева, поддержанному П. Авраменко, П. Капицей, А. Розеном, общее собрание писателей единогласно постановило выдвинуть кандидатами в депутаты Дзержинского районного Совета депутатов трудящихся:

по 119-му избирательному округу — Ксесаря Тихоновича Ванина;

по 168-му избирательному округу — Ивана Сергеевича Соколова-Милотова;

по 166-му избирательному округу — Илью Александровича Груздева.

## На фронтах национально-освободительной борьбы ИНДОНЕЗИЯ

Голландская агрессия в Индонезии продолжается. Радио Джокьякарты заявляет, что «нет никаких признаков того, что в Индонезии наступил мир. Совет Безопасности не принял никаких мер против агрессии. Голландцы не оставили своих планов уничтожения республики».

В течение ноября на многих участках Явы голландские оккупанты продолжали наступление на позиции индонезийцев.

Ожесточенные бои идут в районах Тангеранга, Тимаха (вблизи Бантуанга), Салатинга, Амбаравы, Демака. В секторе Моложерто голландские войска возобновили наступательные операции. Поддержанные артиллерией и авиацией, оккупанты наступают в районе Каранганжара.

На Центральной Яве, около Велери, голландские войска, при поддержке танков, атаковали индонезийские позиции. Атаки оккупантов в этом районе успешно отражались.

Голландские войска предприняли широкое наступление на острове Малура, захватив новые районы. Интенсивные боевые действия продолжаются на о. Суматра.

Голландские оккупанты применяют в широких масштабах методы насилия. Не прекращаются массовые аресты среди мирного населения. По сообщениям газеты «Берита Индонезия», в Бейтензоре только в последние дни было арестовано 59 индонезийских граждан. Массовые аресты имеют место в городах Баньюмас, Пуракарта.

В обращении «Всеобщей центральной организации профсоюзов Индонезии» говорится, что «голландцы в оккупированных ими районах создают, подобно гитлеровцам, «новый порядок», стремясь уничтожить демократические рабочие организации».



По сообщениям печати, в Индонезию прибывают новые контингенты голландских войск. За последние 20 дней из Голландии отплыли 3 транспортных судна с войсками. На борту парохода «Ньюе Голланд» 30 октября отправлено 1700 солдат и офицеров, на борту парохода «Волендам» 5 ноября отправлено 2000 солдат и офицеров, на борту парохода «Кота беру» 19 ноября отправлено 1500 солдат и офицеров. Газета «Мердекка» сообщает, что в настоящее время голландская армия, ведущая борьбу против индонезийского народа, насчитывает 141.000 солдат и офицеров, на 30.000 больше, чем год назад.

## ГРЕЦИЯ

В сводках верховного штаба Демократической армии Греции сообщается, что части, подчиненные румынскому штабу, провели с 1 января 1947 года по 15 октября 1947 года 30 крупных боев и 180 мелких стычек с монархо-фашистскими войсками, совершили 20 уничтоженных актов. В результате этого уничтожено 1086 солдат и офицеров противника, взято в плен 473 человека. Захвачены трофеи: 6 тяжелых и 20 легких минометов, 5 тяжелых пулеметов, 83 ручных пулемета, 110 автоматов, 1267 винтовок, много патронов, гранат и мин.

Части Демократической армии, подчиненные штабам Западной и Центральной Македонии и Эпира, за период с 5 по 15 ноября 1947 года расширили контролируемый ими район у Килкисы, поворали внешнюю линию укреплений г. Лаконис, атаковали гарнизон в Агрос-Орхисток, освободили город Эдесса и заняли город Истрия на острове Эвбея.

Во Фракии крупные силы демократических войск произвели налет на город Комотины.

По сообщению из Афины, 16 ноября части Демократической армии предприняли ряд успешных атак против монархо-фашистских войск близ Спарты.

## Ответ бумажников литераторам

### Реальные и выполнимые задачи

В связи с напечатанным в «Литературной газете» обращением советских писателей состоялось заседание коллегии Министерства целлюлозно-бумажной промышленности под председательством министра С. Комарова и с участием руководителей работников министерства и ЦК профсоюза рабочих бумажной промышленности.

Обращение советских писателей к работникам нашей отрасли промышленности — документ большой важности, — заявил министр. — Этому письму предстоит сыграть значительную роль в развертывании соревнования на предприятиях. Я считаю, что обращение писателей ставит перед коллективами наших предприятий реальные и выполнимые задачи.

Все выступившие на заседании коллегии министерства говорили об огромных резервах целлюлозно-бумажной промышленности, о необходимости ускорить строительство цехов и жалых зданий, смелее внедрять новую технику.

Зам. министра М. Лысенов отметил, что на предприятиях недостаточно широко используются опыт передовиков.

Писатели правильно ставят вопрос о важности передачи опыта, — сказал он. — В этой области сделано еще очень мало.

Журнал «Бумажная промышленность» не отвечает этому основному требованию. Статьи в журнале носят слишком общий характер и не помогают решать практические задачи. Журнал часто даже не полагает к своим подписчикам. Мы недавно получили письмо из Таджикиста с жалобой на то, что ни один номер «Бумажной промышленности» туда не приходит. Как же после этого можно говорить об обмене опытом? — замечает тов. Лысенов.

Создание хороших условий для рабочих не менее важно, чем своевременное получение леса, топлива, электроэнергии. Люди у нас замечательные, и об этом очень часто сказано в обращении писателей. Надо создать для рабочих хорошие бытовые условия, улучшить культурное обслуживание. В клубах предприятий бумажной промышленности не хватает киноаппаратов, да и книг в библиотеках мало, хотя мы и бумажники.

В заключительном слове министр С. Комаров заострил внимание собравшихся на вопросах высказанных местных ресурсов и развития инициативы рационализаторов и изобретателей.

На заседании коллегии министерства намечен ряд конкретных мероприятий, вытекающих из обращения писателей. В ближайшее время на предприятия выедут руководящие работники министерства.

В обращении говорится о том, что качество выпускаемой бумаги, особенно книжной, не находится на должной высоте, — заявил начальник технического отдела министерства тов. Г. Цыпкин. — Чтобы произвести лучшие сорта бумаги, необходима газировка, а эта работа тормозится из-за недостатка квалифицированных рабочих. Техническая учеба поможет разрешить эту важную проблему.

Присутствовавший на заседании руководитель Украинского треста А. Сильченко выразил желание, чтобы писатели Украины также помогли бумажникам в их работе. Тов. Сильченко отметил, что необходима помощь Министерств угольной, лесной и химической промышленности. Об этом же говорили и другие участники заседания.

Большой и важный вопрос поднял председатель ЦК профсоюза рабочих бумажной промышленности тов. М. Кузнецов.

Создание хороших условий для рабочих не менее важно, чем своевременное получение леса, топлива, электроэнергии. Люди у нас замечательные, и об этом очень часто сказано в обращении писателей. Надо создать для рабочих хорошие бытовые условия, улучшить культурное обслуживание. В клубах предприятий бумажной промышленности не хватает киноаппаратов, да и книг в библиотеках мало, хотя мы и бумажники.

В заключительном слове министр С. Комаров заострил внимание собравшихся на вопросах высказанных местных ресурсов и развития инициативы рационализаторов и изобретателей.

На заседании коллегии министерства намечен ряд конкретных мероприятий, вытекающих из обращения писателей. В ближайшее время на предприятия выедут руководящие работники министерства.

В обращении говорится о том, что качество выпускаемой бумаги, особенно книжной, не находится на должной высоте, — заявил начальник технического отдела министерства тов. Г. Цыпкин. — Чтобы произвести лучшие сорта бумаги, необходима газировка, а эта работа тормозится из-за недостатка квалифицированных рабочих. Техническая учеба поможет разрешить эту важную проблему.

Присутствовавший на заседании руководитель Украинского треста А. Сильченко выразил желание, чтобы писатели Украины также помогли бумажникам в их работе. Тов. Сильченко отметил, что необходима помощь Министерств угольной, лесной и химической промышленности. Об этом же говорили и другие участники заседания.

Большой и важный вопрос поднял председатель ЦК профсоюза рабочих бумажной промышленности тов. М. Кузнецов.

Создание хороших условий для рабочих не менее важно, чем своевременное получение леса, топлива, электроэнергии. Люди у нас замечательные, и об этом очень часто сказано в обращении писателей. Надо создать для рабочих хорошие бытовые условия, улучшить культурное обслуживание. В клубах предприятий бумажной промышленности не хватает киноаппаратов, да и книг в библиотеках мало, хотя мы и бумажники.

В заключительном слове министр С. Комаров заострил внимание собравшихся на вопросах высказанных местных ресурсов и развития инициативы рационализаторов и изобретателей.

Создание хороших условий для рабочих не менее важно, чем своевременное получение леса, топлива, электроэнергии. Люди у нас замечательные, и об этом очень часто сказано в обращении писателей. Надо создать для рабочих хорошие бытовые условия, улучшить культурное обслуживание. В клубах предприятий бумажной промышленности не хватает киноаппаратов, да и книг в библиотеках мало, хотя мы и бумажники.

В заключительном слове министр С. Комаров заострил внимание собравшихся на вопросах высказанных местных ресурсов и развития инициативы рационализаторов и изобретателей.

На заседании коллегии министерства намечен ряд конкретных мероприятий, вытекающих из обращения писателей. В ближайшее время на предприятия выедут руководящие работники министерства.

В обращении говорится о том, что качество выпускаемой бумаги, особенно книжной, не находится на должной высоте, — заявил начальник технического отдела министерства тов. Г. Цыпкин. — Чтобы произвести лучшие сорта бумаги, необходима газировка, а эта работа тормозится из-за недостатка квалифицированных рабочих. Техническая учеба поможет разрешить эту важную проблему.

Присутствовавший на заседании руководитель Украинского треста А. Сильченко выразил желание, чтобы писатели Украины также помогли бумажникам в их работе. Тов. Сильченко отметил, что необходима помощь Министерств угольной, лесной и химической промышленности. Об этом же говорили и другие участники заседания.

Большой и важный вопрос поднял председатель ЦК профсоюза рабочих бумажной промышленности тов. М. Кузнецов.

Создание хороших условий для рабочих не менее важно, чем своевременное получение леса, топлива, электроэнергии. Люди у нас замечательные, и об этом очень часто сказано в обращении писателей. Надо создать для рабочих хорошие бытовые условия, улучшить культурное обслуживание. В клубах предприятий бумажной промышленности не хватает киноаппаратов, да и книг в библиотеках мало, хотя мы и бумажники.

В заключительном слове министр С. Комаров заострил внимание собравшихся на вопросах высказанных местных ресурсов и развития инициативы рационализаторов и изобретателей.

## ПАУК-ДОЛЛАРОВИК

(К выступлению Маршалла в Чикаго)



Рис. Вор. ЕФИМОВА.

Тесные «узы цивилизации» связывают Уолл-стрит в Европой.

М. КУЗНЕЦОВ,

председатель ЦК профсоюза рабочих бумажной промышленности.

# «Новый порядок» Трумэна и судьбы Германии

Д. МЕЛЬНИКОВ, А. ЧЕРНАЯ

Ноябрь 1947 года вошел в историю международных отношений, как месяц весьма напряженной политической и дипломатической деятельности. В Нью-Йорке, на сессии Генеральной Ассамблеи организации Объединенных наций, продолжалась ожесточенная и упорная борьба двух принципов в международной политике — демократического и империалистического. На расстоянии нескольких сот километров от штаб-квартиры организации Объединенных наций в Лейк-Саксесе, вблизи Белого дома открылась специальная сессия американского конгресса, которая призвана повести «долларовый фундамент» под здание будущей колониальной империи США в Европе.

На другом берегу Атлантики с'схались делегации четырех держав, которые должны начать обсуждение одной из важнейших, если не самой важной сейчас проблемы международной политики — германской проблемы.

В Лондоне, по выражению канадского журнала «Канадиан форум», должен произойти «генеральный бой» между представителями двух лагерей, двух противоположных друг другу концепций решения этой проблемы. «В настоящее время», — пишет журнал, — Германия представляет собой поле битвы, на котором борются за демократический мир достигая своей самой острой стадии».

С чем же приходит к круглому столу представители США, которые систематически срывают выполнение ранее принятых решений по германскому вопросу, упорно мешали достигнуть согласия между членами оккупационных державми? Изменились ли их установки и каковы их дальнейшие планы?

Из Вашингтона на этот счет поступают весьма неутешительные, на наш взгляд, сообщения.

Американская печать еще более усиленно антисоветскую свистопляску в связи с лондонской сессией Совета министров иностранных дел, настойчиво пытаясь внушить читателям мысль о том, что во всех возможных и даже неизбежных неудачах сессии следует заранее винить Советский Союз. Размах этой кампании показывает, что магнаты Уолл-стрит не жаждут на нее средств.

Антисоветская кампания в США всегда служила и сейчас служит своего рода артиллерийской подготовкой, проводимой перед осуществлением архиреакционных политических планов. Выражающая эти планы программа американской дипломатии была сформулирована такими людьми, как Ван ден Берг и Гарриман, — людьми подлинными вдохновителями нынешней внешней политики США.

«Восстановление Германии до жизнеспособной автономии», — заявил Ван ден Берг в выступлении перед студентами Мичиганского университета, — «это ключ к восстановлению Европы». Предположив же «восстановление Германии и Европы», по его мнению, является... заключение сепаратного мира Англией и США с Западной Германией.

Так расшифровал Ван ден Берг, о чем более осторожно и более цветисто говорил Маршалл в Гарварде: даже осторожность не является чертой, характерной для дипломатического обхода в США. С тех пор как генералы и финансисты стали завладевать политикой и дипломатией США, «дипломатический язык» сменился языком бизнеса и социологического хвастовства. Промышленники и банкиры ищут Гарримана, как пример, ничуть не скрываят те симпатии, какие он питает к плану создания сильного военно-экономического плацдарма США в Западной Германии. В докладе комитета Гарримана о «помощи Европе» прямо сказано: «По одна часть экономической помощи, которой просит комитет европейского сотрудничества, не является более необходимой для восстановления Западной Европы, чем помощь, запрошенная для восстановления германской промышленности, сельского хозяйства и транспорта».

Но осуществлению этого плана мешают решения о сохранении экономического и политического единства германского государства, в свое время принятые великими державами. Тем хуже для этих решений, рассуждает Гарриман. Больше того: если раньше США еще прикрывались словесными заверениями о готовности выполнять принятые решения, то сейчас американский империализм отказывается от этого. «Два года назад», — говорится в отчете комитета Гарримана, — было бы крайне желательно стремиться к образованию федерального правительства, полномочия которого распространялись бы как на русскую, так и на английскую, французскую и американскую зоны. В настоящий момент достижение такой цели кажется невозможным. Задержка обходится слишком дорого. Начало должно быть положено на Западе с тем, что имеется в нашем распоряжении».

Итак, программу действий американской дипломатии можно кратко сформулировать так: окончательное расчленение Германии и превращение Западной Германии, как и всей Западной Европы, в военно-политический плацдарм США, направленный против СССР и стран новой демократии.

Эта политика колониализма Западной Германии, как и Европы, проводится при помощи всех черных сил реакции, при помощи всех напистских и милитаристских элементов внутри Германии.

Повторяется старый вариант восстановления сил германской реакции с помощью американских монополистов, мечтающих о новой войне.

Еще в двадцатых годах этого века, когда только что отгремели залпы первой мировой войны, когда европейские воюющие, «спасшиеся от грана», по погибшие от войны», еще только-только вставали с вонючих лазаретных коек, итальянские духи агрессии вновь начали свое черное дело... Широим потоком потекла в Германию англо-американские кредиты. Крупный фон Болен, тот самый Крупп, имя которого уже давно отождествилось в сознании

европейцев со словом «смерть», получил «на первое обозначение» десять миллионов американских долларов; концерн Сименса, крупнейшая электрическая компания «АЭГ» и десятки других германских фирм правили свои дела за счет английских и американских субсидий и кредитов. В то время как Европа дождалась в развалах, голода и мерзла, сотрясаемая послевоенным кризисом и инфляцией, на дрожжах американских кредитов подымались новые крупные концерны ИГ Фарбендиндурии и Стайльно трест, превратившиеся вскоре в гигантские международные картели.

В общей сложности германские милитаристы в период между двумя войнами получили от американских монополистов кредит в размере 24 миллиардов марок. Но дело не только в кредитах! Американское акционерное общество Брасерст в Чикаго оборудовало концерн «Герман Геринг» и крупнейший металлургический завод в Зальцгиттере, американская корпорация Бош снабжала германскую фирму «Роберт Бош» швейцарские сведения о дизель-моторах, а гитлеровский генеральный штаб — лучшие стратегическую информацию.

Сейчас снова восстанавливаются и укрепляются та линия уния, которая неизменно связывала представителей монополистического капитала разных стран. Немногого автомобильного короля Опеля спасают от суда по денацификации хозяева американского «Дженерал Моторс», причем мотивировкой его оправдания является то, что он вступил в гитлеровскую партию по совету «Дженерал Моторс». На защиту одного из воротил немецкой химической промышленности, главного директора химического концерна ИГ Фарбендиндурии Краха становится сам Дюпон. Еще в 1926 году Дюпон заключил с концерном ИГ Фарбендиндурии соглашение о разделе рынков сбыта основных химических продуктов. Теперь Дюпон «денацификацию» спасает его руководитель от наказания за военные преступления. Могущественного заступника в США нашел также один из основных финансистов Гитлера, генерал-лейтенант СС-овских войск Курт фон Шрейер. Таким заступником явился не кто иной, как Аллен Даллес — брат советника республиканской партии по внешнеполитическим вопросам, небезвестного поджигателя войны Джона Фостера Даллеса. Недавно Аллен Даллес по поручению главных магнатов американской промышленности и финансистов совершил «инспекционную поездку» по Западной Германии, во время которой вел переговоры со старейшим представителем немечкого монополистического капитала Дунсбургом. Переговоры кончились, как гласит официальное сообщение, «весьма удовлетворительно» для обеих сторон.

Так восстанавливаются старые отношения, завязываются новые связи, возобновляются прежние секретные договоры и ищутся новые интриги против мира и безопасности народов.

Германские реакционеры десятилетиями культивировали идею: Германия — сторожевой пост капитализма в Европе. Гитлеровцы с восторгом подхватили эту теорию «антибольшевистской миссии Германии». «История предвещает Германию руководящую роль на нашем континенте», — вещал варвар и жег Геббельс. «Германия стремится к устранению чуждых сил в Европе», — заявлял официозный Риббентроп. «Дейче дипломатия полнитипе корреспонденции», «Германия возрождает европейский дух», — возна мракобес и погромщик Розенберг.

Но не только немецкие милитаристы рассматривали себя в качестве «спасителей» европейского духа от демократии и прогресса. Лондонские, парижские и Вашингтонские политики, каждый по-своему, рассчитывали на то, что германские империалисты рано или поздно «сокрушат дух коммунизма в Европе».

Сейчас американские бизнесмены, официально объявившие себя преемниками осужденного британского империализма, хотят разрыть новый вариант старой британской политики в отношении Германии, предварительное обеспечение себя самими теми же насть твердыми «гарантиями». Империалистические замыслы США претворяются как можно тише приважают германских империалистов к колеснице доллара. Они ратуют уже не за возрождение «сильной Германии» западной ориентации, а за создание сильного американского флага в Западной Европе.

Джон Фостер Даллес сформулировал эту программу, пожалуй, наиболее ясно. Выступая на заседании Национальной ассоциации издателей США, Даллес подчеркнул: ошибка послевоенных политиков заключалась в том, что «сгоревшие во время войны здания Европы отстраивались в основном в прежнем своем виде. Чтобы не повторять такой глупости, Даллес рекомендует «мыслить больше в масштабах Европы», нежели «понятиями потсамского диктанта, гласящего, что Германия является единым национальным государством».

Итак, американские империалисты желают рассматривать германское государство с его тысячелетней историей, как свою колонию с высокой развитой военной промышленностью и с казармами для своих ландскнехтов. Правда, эта колония будет специализироваться не на хлопке и табаке, а на оружии и радиоактивных снарядах. Правда, немецкие «цветные войска» будут сильно отличаться от обычных туземных войск, а новоизмененным американским колониальным придется расплачиваться с местным населением не бумажкой, а иной валютой. Но сущность от этого не меняется. Для американских дельцов и генералов немцы — это своего рода колониальное племя, которое следует приобщить к долларовой цивилизации. Германия для них — кусок земли, на котором должно действовать вассальное проамериканское правительство и устанавливаться американские порядки.

Диккенс, Островский, Балзак создавая бесмертные образы самодуров. Однако ни одному писателю в мире не пришлось в го-

лову описать самодура, устанавливающего, подобно Даллесу, свой порядок не в собственной семье и не в своей лавке, а в масштабе всей Европы, — самодура, который одним росчерком пера расправляется с «старшей» страной Германией.

Но, может быть, колониальные планы США в Германии существуют только в воображении американских Тут Титычей? К сожалению, нет. История превращения английской и американской зон оккупации в легкое учебное образование — Блонзио свидетельствует о том, что планы американских империалистов превращаются в жизнь. Германская экономика и германские «политики», германские теоретики и германская печать издохронно скупаются сейчас американскими дельцами. Сотни агентов монополий США иногда в форме американской армии, иногда под видом дипломатических туристов раскупают Германию.

Уже в начале 1947 года американские картели приобрели 25 процентов акций Стайльного треста, причем скупка акций производится до сих пор. Дельцы вкладывают дополнительные инвестиции в автомобильную промышленность Германии, где американский капитал уже раньше пользовался большим влиянием. Недавно американские оккупационные власти объявили о распродаже 35 заводов ИГ Фарбендиндурии в Гессене. Премьер-министр Вюртемберг-Бадена сообщил о продаже восьми крупных угляных фирм в Штутгарте. Фактически не подлежит сомнению, что все они перейдут в иностранные, то-есть американские руки. Начальная отада по денацификации американской военной администрации Хаукис так прямо и заявил, что «предпринимаемая акция преследует цель помочь людям иностранного происхождения, капиталы которых были вложены в преданацификацию для продажи предприятия, возместить свои убытки путем приобретения этих же предприятий».

Германские фирмы становятся младшими партнерами американских монополий. Опираясь на бывших гитлеровских промышленников, в тесном споре с ними, американские бизнесмены фактически хозяйничают сейчас в Западной Германии.

По американским монополистам нужны не только немецкие военные заводы, но и немецкие солдаты. Им нужно превратить германских юношей в пушечное мясо для своих будущих авантюристов. Нынешние германские истребители, только во стократ более полные и вероломные, усердно сотрудничают в этом деле с американскими империалистами. Курт Шумахер, лакей империализма, называвший себя социаль-демократом, так же, как и Даллес, мечтает расправиться в Германии с «кражагающей» идеей национального государства. Его также устраивает создание американской колонии — Бизонии — в Европе. «Соплат» Фридрих Штампфер и фашист Отто Штраксер, националист Губенберг и католик Бронниг, — все они уже давно превратились в простых эмиссаров Уолл-стрита.

Разумеется, все немецкие политики и идеологи, приспособившиеся к американским хозяевам в Бизонии, не забывают того, что Германия по планам Уолл-стрит является исходным плацдармом для колониализма всей Европы и засажена в ней американским «новым порядком», этой «европейской казармой», где будут воспитываться новые кадры, призванные поднимать знамя, вывешенное из рук Гитлера и Геббельса. Поэтому среди немецкого населения беспредельно распространяется антикоммунистический милитаристский дурман. Германские слуги США в Бизонии сочиняют различные легенды, согласно которым Германия предназначена стать «полем битвы и ареной борьбы между славянами и англо-саксами».

Итак, контуры Бизонии, чудовищного дитя германской реакции и американских монополий, отчетливо вырисовываются на политическом горизонте. На полную мощь работают полуамериканские и полугерманские военные заводы, радиостанции, политические партии, издательства... На полях ход пушена машина антисоветской пропаганды, создаются кадры американских ландскнехтов для будущей войны.

И все же англо-американских политиков беспокоит одно немаловажное обстоятельство. Дело в том, что Бизония существует лишь де факто. Официально Германия не расчленена. Под Потсдамским соглашением, в котором совершенно ясно и недвусмысленно провозглашается сохранение Германии, как единого целого, стоит подпись президента Трумэна. Все это, конечно, сейчас особенно не по вкусу американским монополистам. Их гораздо больше устраивал бы колониальный вариант разрешения германской проблемы. Согласно этому варианту американский флаг должен быть без дальнейших проволочек открыто водружен над Бизонией. В худшем случае туземный «князек», марионеточный премьер, щедро оплачиваемый американцами, должен был бы не читать, подмахнуть «статут» будущей колонии доллара. Именно поэтому Ван ден Берг, Гарриман и в же с ними истерически призывают к заключению «сепаратного мира» с Западной Германией.

Неспешный читатель может с удивлением спросить: «Кто дал право Ван ден Бергу и его единомышленникам призывать к разделу Германии накануне лондонской сессии Совета министров иностранных дел, которая созывается для выработки мирного договора с единой Германией?»

На этот вопрос у американской пропаганды уже давно готов достойный ее ответ. Американская пропаганда заранее «разъясняет», что сепаратный мир является вынужденной мерой, к которой придется прибегнуть после... провала лондонской сессии Совета министров. Заблаговременно разглашению о «независимом» «провале» лондонских переговоров, американская пресса выхватывает вслух то, о чем мечтают и на что тайно надеются англо-американские дельцы.

Так американские «практические политики» усердно готовят новое нарушение совместных решений союзных держав, касающихся Германии, и на самое время, когда американские дипломаты в Лондоне будут лихорадочно заглядывать в наличию у них «благих и бескорыстных намерений» в отношении немецкого народа.

# Журналисты реакционной Америки Карьера гангстера Билла Роуза

За последнее время в Америке приобрели громкую известность неполноценный «журналист» Бродвей Билл Роуз.

Не стоило бы тратить бумагу и чернила для описания жизни и деятельности этого проходимца с большой дороги, если бы некоторые факты из его жизни не проливали яркий свет на нравы всей современной американской печати.

Нам нередко приходится слышать о том, что одной из причин бурного роста преступности в США за последние годы является нездоровый интерес печати к различным порокам гангстеров. Достаточно сказать, что пороки знаменитого «короля бандитов» Аль-Капоне были широко освещены печатью США, как событие всеамериканского значения, причем ряд газет и журналов поместил некрологи, написанные в весьма теплых тонах, а также фотографии Аль-Капоне, снимки с его виллы во Флориде и т. д.

Неудивительно, что журнал «Тайм», имеющий многомиллионный тираж и широко считающийся одним из наиболее реакционных и неистолотных изданий в США, недавно напечатал подробную биографию гангстера Роуза, а на обложке его многокрасочный портрет в ожерелье из драгоценных камней.

В настоящее время Роуз становится одним из наиболее широко рекламируемых фельетонистов США. Он ежедневно появляется в 145 газетах, выходящих общим тиражом в 18 миллионов экземпляров. Помимо этого, 3.000 американских еженедельников также печатают фельетоны Роуза.

Каждый из этих фельетонов представляет собой помесь развлекочного приёма и поразительной наглости. Вещески стремясь угодить за «духом времени» и угодить воинствующей реакции, этот гангстер от журналистики обычно унаследует свои «произведения» маховой и невежественной антисоветской клеветы.

Вот один из образчиков того, чем почитает Билл Роуз своего читателя:

«Билл если бы мы рассказали русским, как делать атомную бомбу, они все равно не могли бы ее сделать. Мне кажется, что требуется для этого кое-что больше, чем шпатель, несколько химиков и малятик, который будет бегать за кофе. У Советов нет того, что требуется для этого дела...»

Кто же такой этот Билл Роуз? Это специалист по «русскому вопросу» и атомным бомбам, ставший в настоящее время одним из популярнейших американских фельетонистов? И каким образом гангстер в буквальном смысле этого слова сумел завоевать гостеприимные страницы «свободной» американской печати?

Все тот же журнал «Тайм» преподнес читателю подробную биографию Роуза, составленную в совершенно восторженных тонах. Из этой биографии мы можем узнать, что Роуз еще на школьной скамье понял, что не все люди рождаются равными и что в США решающее значение имеет доллар.

В 17 лет, так и не закончив средней школы, по зату обучившись stenography, Роуз поступил в Управление военной промышленности, где вскоре возглавил stenographic бюро. Это было во время первой мировой войны, когда во главе управления стоял известный дельца, спекулянт медью Бернард Барух. Барух вскоре заметил ловкого юношу и сделал его своим личным секретарем, stenographer и даже доверенным лицом. Потом Барух диктовал Роузу свои записки. Об этом периоде жизни Роуз пишет: «Я встретил великих людей, больших консерваторов. Они разговаривали жестким языком. Я решил, что хочу быть таким, как они».

После войны Роуз ушел от Баруха, со-

хранив, однако, дружественные с ним отношения. Он решил искать счастья и возможности сделать больше денег в другом месте.

В одной закускойной в Манхеттене он познакомился с сочинителями джазовых песен. После Баруха эти люди — по его словам — показались ему «набитыми дураками», но кто-то сказал ему, что они «делают» сорок-пятьдесят тысяч долларов в год. Роуз решил, что он ничем не хуже их. Он пришел к выводу, что все популярнее песни делаются на следующие категории: 1) любовные песни, 2) бессмысленные песни, 3) песни с глупыми рифмами, 4) песни, повторяющие много раз какой-либо бессмысленный звук (вроде «у него были глаза гу-гу-гу-гу-ли»).

Установив эти основные элементы американской популярной песни, Роуз начал заниматься сочинением «боекков». На протяжении последующих восьми лет Роуз «сочинил» свыше 300 песен. Можно себе представить, какие это были «гу-гу-гу-гу-ли»!

В 1924 году будущий «король журналистики» решил сделать новый шаг в своей карьере. Роуз связался с гангстерами и нелегальными торговцами спиртными напитками и, по договоренности с ними, открыл свой первый «скиннизи» (так в Америке во время действия «сухого закона» называли нелегальные кабаки. Слово «скиннизи» означает «говори шопотом»). Роуз начал зарабатывать «настоящие деньги». Часть своих доходов он предусмотрительно отдал районным полицейским инспекторам, и потому они его не беспокоили.

В тридцатых годах, заработав на своем притоне солидную сумму, Роуз решил проникнуть в область театрального искусства. Он организовал несколько театров-бурлеск, которые вскоре приобретают более чем сомнительную славу «храмов разврата». Связи Роуза с полицией и на этот раз дали ему возможность пережить всех своих многочисленных конкурентов и уйти от ответственности.

Совершая небольшую экскурсию в «искусство», Роуз не оставлял и своего алкогольного притона. Вскоре после отмены «сухого закона», когда огромные доходы «пивных гангстеров» оказались под серьезной угрозой, Роуз в компании с нелегальными гангстерским синдикатом открыл шикарное кабарэ в Нью-Йорке под названием «Казино де Пари», ставшее, по сути дела, одним из самых известных публичных домов.

В 1934 году Роуз избавился от своих компаньонов и самостоятельно открыл в Нью-Йорке новый публичный дом под безобидным названием «Мюзик холл». Но буржуазские «пивные гангстеры» — его недобрые компаньоны — начинают энергично возражать против сепаратных действий Роуза. Они угрожают Роузу тем, что возмрут его «покататься» на бандитском жаргоне это означает посадить человека в машину, вывезти его за город, пристрелить и тело бросить на свалку.

Не имея ни малейшего желания закончить столь бесславно свое существование, Роуз обратился за помощью к своему испытанному и влиятельному другу, атомному мудрецу Бернарду Баруху. Последний помог Роузу установить личный контакт с начальником Федерального бюро расследования Эдгаром Гувером.

Хотя основные функции ФБР в мирное время, по существу, сводились к преследованию американских коммунистов и деятелей левых профессоров, его официальными задачами являлась все же борьба с уголовным миром. Гувер заключает с Роузом сделку: Роуз выдает уговорной полицию «пивных

гангстеров» и дает исчерпывающие показания об их нелегальной торговле спиртными напитками, а также о других сторонах их бандитской деятельности. В обмен за эту услугу Гувер обеспечивает Роузу личную неприкосновенность, снимает с него ответственность перед законом и гарантирует переход в его руки всех публичных домов, которыми Роуз владел совместно с «пивной бандой». Таким образом, Роуз стал полноправным хозяином всех «фабрик развлекательной» и всех доходов, какие они приносили. Сделка состоялась с благоговением нынешнего друга Трумэна и эксперта США по вопросам атомного контроля Бернарда Баруха. К многочисленным «специальностям» Роуза прибавилась еще одна: он стал шпиоком-осведомителем полиции.

В результате удачно заключенной сделки в кармане Роуза слонным потоком потекли доллары. В 1938 году он открывает еще один огромный публичный дом-кабарэ под названием «Бриллиантовая подкова». Это здание давало ему 1.250 тысяч долларов прибыли в год. Журнал «Тайм» восторженно пишет, что, когда в Нью-Йорк приезжает кто-либо из других городов США или из-за границы, то ему в первую очередь показывают три достопримечательности: кабарэ «Бриллиантовая подкова», мавзоль героя гражданской войны в США генерала Гранта и старинный паром, курсирующий между двумя районами Нью-Йорка.

В течение некоторого времени Роуз почитал в лавах. Он приобрел пятиэтажный дом в Нью-Йорке, патаскал в него картин на 2 миллиона долларов и женился спокойной жизнью крупного капиталиста. На многочисленные приемы, устраиваемые Роузом в его нью-йоркском доме и в двух его загородных усадьбах, он приглашал различных американских финансовых тузов и в первую очередь, конечно, Баруха, который чувствовал себя у этого гангстера отчасти.

Однако бурная натура Роуза, привыкшая к «пипучей деятельности», не могла успокоиться на достигнутом. В поисках новых областей «большого бизнеса», которые, как ему казалось, вполне пригодились для приложения его усилий, он обратился вниманием на «свободную» американскую печать. Стремясь набить себе руку на этом новом поприще, Роуз начал писать для ряда американских газет еженедельные рекламные статьи, посвященные описанию принадлежавшего ему кабарэ «Бриллиантовая подкова». Статьи объединялись общим названием: «Различные соображения о быте, искусстве, науке, обновлении лесов и полевой жизни». Газеты начали печатать их в виде еженедельных фельетонов, а не в виде рекламных статей. Нетрудно понять, что Роуз меньше всего касался быта, искусства и лесов, а больше всего места уделял «сексуальному проблемам», излагаемым «взвломом на хорошо известном ему блатном жаргоне. Сначала Роуз печатался в десятках, а затем уже и в сотнях газет.

После смерти президента Рузвельта и окончания второй мировой войны, когда американская печать по сигналу Уолл-стрит начала бешеную антисоветскую кампанию, Билл Роуз понял, что настал его час.

«Долж» должна быть чудовищной», — так заявил этого кумира американской реакционной прессы. Сейчас Роуз печатается еженедельно об «калеченном» лае, проповирует, брызгает слюной бешенства. При этом он самолюбиво заявляет, что находится очень много общего между своей прежней профессией гангстера-сотебрателя публичных домов и своей нынешней деятельностью жедого журналиста. Вряд ли можно что-либо возразить против этого авторитетного признания!

Мих. БАРДИН

## Факты без комментариев

### О ЧЕМ МОЛЧАТ В АМЕРИКАНСКОМ КОНГРЕССЕ

### В ПОГОНЕ ЗА РЕКЛАМОЙ

Десять миллионов граждан США лишены права голоса в результате всевозможных избирательных ограничений, действующих в сем южных штатах.

Шестнадцать девять процентов населения во время болезни не имеют материальной возможности прибегнуть к медицинской помощи.

Из каждых 15 негров 14 не допускаются на квалифицированную работу и вынуждены быть чернорабочими.

### ОПАСНЫЕ КАДРЫ

Японский антивоенный фильм «Война и мир» (не имеет никакого отношения к роману Толстого) был встречен, по сообщению «Чайна уэкл» ревью», зрителем и критикой, как один из лучших фильмов, когда-либо выпускавшихся в Японии.

Как сообщает та же газета, общее впечатление от фильма было бы все же значительно сильнее, если бы его не искореняла американская цензура. Его были вырезаны из фильма три важных куска, касающихся положения трудящихся (в общей сложности 700 метров).

Цензура удалила из фильма, во-первых, эпизод, показывающий попытку японских властей силой оружия подвзвать забастовку. На экранные рабочие отбивали атаку жандармерии, направляя на нее струю воды из брандспойта.

Во-вторых, кусок кинохроники, изображающий рабочую демонстрацию на улицах Токио с флагами и плакатами.

В-третьих, голую демонстрацию трудящихся наподобие той, которая имела место в Токио весной 1946 года.

### ПОЕЗД РАБСТВА

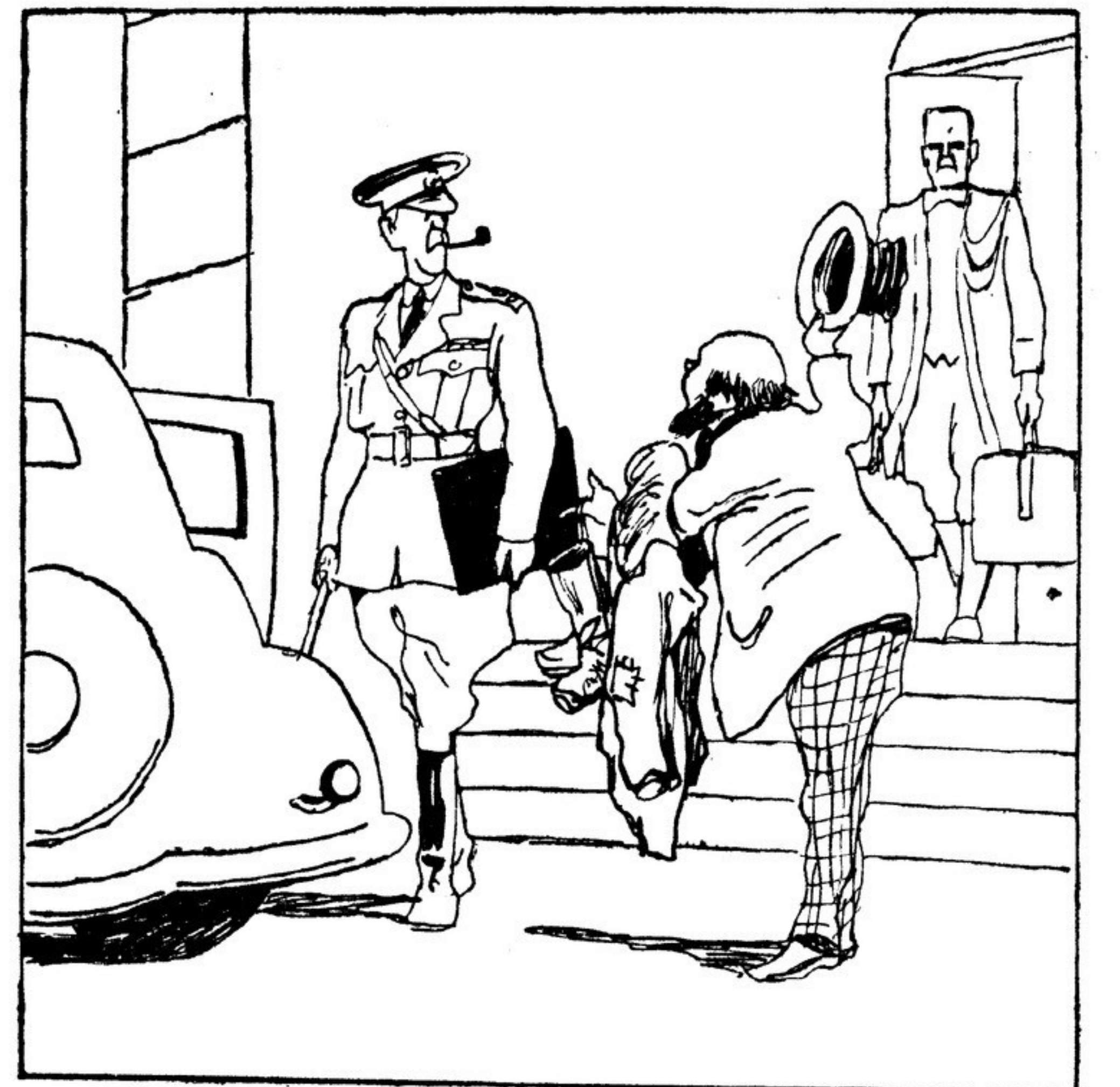
Одним из последних трюков, предпринятых магнатами доллара для рекламирования американской демократии, является организация туров «поезда свободы», в котором для обозрения публики будут выставлены оригиналы таких документов, как Декларация независимости, Билль о правах и т. п.

Однако негритянская печать сразу же обратила внимание на то, что среди организаторов этого тура, возглавляемых председателем крупнейшего «Чейз» нейшнл банк», нет ни одного негра, а среди лиц, сопровождающих поезд, — только три негра и то лишь в качестве проводников, то-есть обслуживающего персонала.

Не довольствуясь этим, власти южных штатов уже заявили, что негры, желающие носить «поезд свободы», смогут это сделать только в особые дни с тем, чтобы «на одном белому не пришлось стоять рядом с негром».

### СПЕЦОДЕЖДА АНГЛИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ

Рис. Л. БРОДАТЫ.



— Сэр, вы едете в Россию. Не нужен ли вам равный полушубок... гонится для лыж. ных вылазок.

# Сулейман Стальский

К 10-летию со дня смерти

Летом 1933 года бригада писателей, в которую входили Владимир Луговской, П. Павленко и я, работала в Дагестане. Мы собирали материалы о быте республики, о ее культуре.

Однажды мы прибыли в Южный Дагестан, в очень интересное место — Касум-Бент; после знакомства с местными работниками мы задали вопрос:

— Какие у вас поэты?

Они ответили:

— Поэтов у нас нет.

— Но этого не может быть, — сказали мы, — потому что редкая страна так любит песни и стихи, как Дагестан.

И тогда нам сказали:

— Правда, у нас есть один интересный поэт, ашуг, он не пишет стихов, он неграмотен, не имеет книг, но он очень известен у нас.

— А где он живет? — спросили мы.

— Он живет неподалеку, в трех километрах, в ауле Апата-Сата, отчего он и называется Сулейман Стальский.

Мы пришли в аул вечером. Он был полупустым, потому что люди не вернулись с полей.

Мы подошли к дому ашуга. И вот оказался сам Сулейман. Он шел, ведя за собой большого теленка.

Сулейман имел вид человека, находившегося вдали от цивилизации. Когда он узнал, что приехал поэт, он стал очень робок и попросил к себе в дом, но мы в дом не пошли, потому что знали, что он человек бедный, сразу станет думать об угощении, и обременять его не хотели.

Мы ему сказали:

— Вот какое дело, Сулейман: мы очень хотим слышать ваши стихи, но давайте сделаем это на воздухе, пойдем в ту чудесную рощу и будем читать стихи.

Вид оттуда, куда мы пришли, был великолепный: вдали виднелись вершины Шалага и Шабуздага, место оказалось вполне поэтически.

Без всякого самодовольства, но с очень большой серьезностью и гордостью Сулейман начал читать нараспев те стихи, которые потом стали общезвестными.

Долго он читал, стало темнеть, и я увидя одному явлению. Сначала вокруг нас было не больше восьми человек, потом стало человек двадцать, а затем появились все новые и новые люди, причем появление их было на первый взгляд необычайно. Я только потом узнал, что за нами была тропинка, шедшая наверх в поля, и все колодкины, возвращавшиеся с полей, проходила через рощу и услышав, что здесь читают стихи, садилась на корточки, как полагается горцам, и заполнила всю рощу.

Когда Сулейман окончил читать, мы много говорили о стихах, поразивших нас поэтической силой. Потом он сказал:

— Теперь прочтите вы свои стихи.

Мы ему ответили:

— Тебе трудно будет понимать нас, потому что у нас другой склад стиха, и ты не знаешь русского языка.

Он на сказал:

— Поэт поэта узнает по голосу.

Это была одна из тех фраз — крупный мудрости Сулеймана, которые мы и впоследствии слышали от него.

Мы приехали в Москву и рассказали Алексею Максимовичу Горькому о своих впечатлениях. Он сказал:

— Давайте попросим Сулеймана приехать в Москву.

Сулейман приехал в Москву на съезд писателей. Москва его поразила чрезвычайно. Надо сказать, что он был здесь в первый раз. Он ходил по Москве, как по огромному миру, в котором он сохранял все свое своеобразное горца, он хотел все поведать глубины поэтического сознания и поэтического сердца.

Когда Алексей Максимович Горький сказал ему: «Я очень рад, что я с вами познакомился», то Стальский ответил: «И я очень рад, потому что мы оба старики, прожили большую жизнь, нам есть о чем поговорить».

В этом не было излишней гордости. Это было естественное понимание своего места и значения. Сулейман очень понравился Горькому.

Ашуги того далекого времени, когда начал творить Стальский, жили милостью покровителей. Таким ашугом Сулейман не стал и не хотел стать.

Самое детство его было безрадостно и

лишено ласки, любви. С юности ему пришлось быть батраком, черноработчим и даже не жить у себя дома: судьба забросила его на Сир-Дарью, в Самарканд, в Туркмению, в Баку, он работал на постройке мостов, на железной дороге, в садах, батраком в Дербенте. До поры до времени Стальский, при его уме и поэтическом таланте, жил, как подземная река. Такая река течет невидимо, и сила ее невидима, пока она не вырвется на голубой простор, и все тогда удивится ее блеску. Да, он неграмотный, не читал книг; но весь жизненный путь Стальского говорит о том, что он жил с народом. Сулейман понимал жизнь, как поэт, и это способствовало его росту. Он совсем не брал устаревшую форму стиха. Сулейман Стальский выступал со своими стихами о современности, о новом, как и другой выдающийся поэт Дагестана, Газизат Чагаса. Тот и другой начали с сатиры, с острых бичующих стихов. Тот и другой росли с ростом советской власти в горах Дагестана.

Когда началась в Дагестане гражданская война, Сулейман уже знал, под чьим знаменем он должен встать. И когда его спросил бывший хозяин: «Почему ты не сложишь песню в честь Баки-Бея (турецкого агента), или берешь песню для белопольных?», Сулейман промолчал. Хозяин воскликнул: «Поймай, уж не прорисит ли твой пек на крышечку?»

«Нет», — ответил Сулейман. — Брюшко любит сало, а шея моя слышит из моголей». «В этот день», — говорит Сулейман, — наверное, в моей крови одна капля заговорила по-болшевистски. Так рассказывал о Сулеймане Эфенди Башев в своей талантливой книге «Поэт».

Сулейман хорошо знал, на чьей стороне правда, он знал, куда ведут народ большевизм, и его песни того времени — это поэзия, направленная против врагов народа. С приходом советской власти Сулейман почувствовал, как расширился мир, и этот батрак, рабочий, садовник, горев всем сердцем воспринимая богатства нового, что пришло в жизнь с Октябрем. Он никогда не позволял себе восточной пышности слова, ради основного, пустого словословия. Ишет ли он о рабочем, о девушке, о колхозе или о советской власти, о социализме или о гибели Ирова, или о свечоте мира, любимом Сталине, — вы слышите вдохновенный и глубокий голос. В его стихах виден широкий охват событий, это стихи, который не имел ничего общего с традиционными произведениями других ашугов. Стальский очень оригинален. У него свой голос и смекалка, сбавляющая его с Маяковским. Он не боялся вносить в стих великие слова нашего времени. Он мог на все явления жизни отвечать поэтически, ибо он жил в глубине своего народа, никогда не отрываясь от него. В собственном ауле он выступал на больших общественных собраниях, он всегда это подчеркивал, говоря: «Я старый человек, я колодкин, и я народный поэт».

Это чувство родной земли, советской Родины, чувство правды народной, чувство нового пути народного были у Сулеймана совершенно точными.

То, что Сулейман по-русски был неграмотен, не мешало ему ощущать все происходившее в нашей стране во все рост. Принимая орден из рук М. П. Калинин, Стальский замечательно сказал:

— Мне 70 лет, но вся эта жизнь моя не стоит сегодняшних 70 минут. Я подобен был зарытому в землю заржавленному оружию, которое коммунистическая партия и советская власть раскопали, приладили блеск и остро отточили.

Это было правдой. Действительно, отшлифованная великая партия и советская власть; но без вдохновения и труда он бы существовать не мог как поэт, потому что, если бы он был капитальным, раз накопленным, он не был бы Сулейманом. Он работал над собой и стихом все время. Он очень обижался, когда ему намекали на его возраст, на то, что его стихи с годами могут утратить остроту. Он гордо отвечал:

— Книжка моего стиха до смерти не покроеется ржавчиной, ибо и то что я. Я тошу его на черном камне непамяти в прошлом и на красном камне любви к сегодняшнему дню.

И действительно, его остро отточенные стихи будут жить столетия, будут жить и радовать людей, как они радовали нас.



ДИНА НУРПИСОНОВА

Милующим летом группа казаческих поэтов поздравляла меня в Алма-Ате со знаменитым выдумком-комбинатором Диней Нурписоновой. Я был прерван Диней Нурписоновой — смелая женщина оставила в живых утешение знаменитого казаческого композитора Курман-Газа. Она заслуженный деятель искусств Казахской ССР, оркестровщик, лучшая исполнительница произведений Курман-Газа, в духе которых сама импровизирует мелодии своих песен. Глубокая интуиция отмечена песня Нурписоновой о возвращении трудящихся казаков в 1910 году. Большой силой проникнула ее песня о Сталине.

Портретная фигура Нурписоновой исполнена в майболке и экспонируется на Всесоюзной художественной выставке в музее им. Пушкина.

Елена МРОЗ.

## Новые произведения эстонских писателей

### «БОРЬБА БЕЗ ЛИНИИ ФРОНТА»

Так называется пьеса Августа Яковсона, автора «Жизни в цитадели». Пьеса рисует борьбу эстонских рабочих против предпринимателей. Действие происходит в 20-м году. Всей своей обличительной жесткостью это произведение, полное сарказма, обрушивается на многие «кусты» буржуазии: ее живую демократию, продажную печать, гнилую мораль, лжепатриотизм.

В собственной ему живой, полемической форме, в заостренном сюжете писатель сталкивает своих героев, братьев-близнецов и глубокий голос. В его стихах виден широкий охват событий, это стихи, который не имел ничего общего с традиционными произведениями других ашугов. Стальский очень оригинален. У него свой голос и смекалка, сбавляющая его с Маяковским. Он не боялся вносить в стих великие слова нашего времени. Он мог на все явления жизни отвечать поэтически, ибо он жил в глубине своего народа, никогда не отрываясь от него. В собственном ауле он выступал на больших общественных собраниях, он всегда это подчеркивал, говоря: «Я старый человек, я колодкин, и я народный поэт».

Беспощадно и остро разоблачает Август Яковсон в этой пьесе «патриотизм» эстонской буржуазии и показывает рост сознания эстонского народа.

### «НОВЫЕ ЛЮДИ»

«Новые люди» — так назвал свою новую повесть молодой писатель Освальд Тооминг. Он изображает жизнь и работу на сланцевом руднике в напряженную пору послевоенного восстановления. Вода из подземной реки прорвалась в шахту «Бурый камень» и грозит затопить ее. Шапчаная борьба не приносит результата, тогда шахтеры выкапывают десятикилометровый канал и отводят в него воду.

Читатель с волнением следит за героями повести. В процессе борьбы с природой меж ними складываются новые, советские отношения. Трудности осложняются вредителями. Маркшейдер Тооминг удерживается на позиции «нейтрального» специалиста, он становится в ряды активных борцов. Знания помогают ему разоблачить махинации вредителей, и наконец, Тооминг жертвует своей жизнью, спасая от аварии электростанцию.

Несложно сюжет произведения, и написано оно не очень опытной, молодой рукой. Но всегда выразительно очерчены характеры персонажей. Но от повести веет свежим ветром нового. Писатель увидел новые явления в жизни, — в этом ценность повести «Новые люди».

# ПРОТИВ ВЛИЯНИЙ БУРЖУАЗНОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Игорь ВОЛЬНОВ

Перед нами обильная книга (311 страниц): I—II томы «Научных записок» Института искусствознания, фольклора и этнографии Академии наук Украинской ССР. Как явствует из предисловия, в этой книге опубликованы работы сотрудников не только ныне существующего института, но и его предшественников: Института украинского фольклора, отдела фольклора Института общественных наук и Института народного творчества и искусства АН УССР. Таким образом, вышедшие томы «Научных записок» — итог десятилетней деятельности, которая велась в Академии наук УССР по изучению фольклора, искусства и этнографии. Скажем сразу и прямо: итог этот, увы, далеко не утешительный.

Среди опубликованных работ некоторые заслуживают положительной оценки. Таковы написанные на актуальные темы статьи: И. Кравченко «Советская украинская народная проза», П. Павляна «О советских думах», А. Кишко «Процесс переосмысления этической традиции в думках о Великой Отечественной войне», Ф. Веревки «Музыкальное творчество периода Великой Отечественной войны», Ф. Лаврова «Советские украинские народные песни-кобызаря», статьи М. Плисецкого о жанре трудовой песни, Г. Виноградова о детском фольклоре, хотя и они не совсем свободны от недостатков. Перечисленные работы по существу исчерпываются то значительное и ценное, что можно отметить в рассматриваемом томе.

Вышедший сборник со всей неопровержимостью свидетельствует о том, что руководство Института искусствознания, фольклора и этнографии, а равно и редколлегии «Научных записок» не сделали надлежащих выводов из известных решений ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства Украины украинской литературы в «Очерке истории украинской литературы».

Самое предисловие, в котором редакционная коллегия подводит итоги проведенной институтом работы по устранению ошибок и извещений буржуазно-националистического характера, несколько проникнуто духом либерализма и недопустимой терпимости. Редакция не дает необходимых партийных формулировок, пользуется такими удобобожественными выражениями, как «затушевали», «преуменьшали», «мало показывали». Многие ошибки, перечисленные в предисловии, как якобы уже вскрытые и преодоленные, находят себе место тут же в сборнике.

Редколлегия в числе допущенных извращений и ошибок отмечает, что при оценке фольклора и искусства некоторые научные работники института выдвигали на первое место не классовые моменты, а национальные и строили периодизацию истории украинского фольклора и искусства, исходя из враждебных концепций Грушевского, а не на основе принятого марксистско-ленинской науки.

И тут же, отнюдь не смущаясь, редколлегии помещает работу покойного профессора М. Гринченко (бывшего директора Института народного творчества и искусства), построенную на методологических принципах, ничего общего с марксизмом не имеющих. В «Очерке исторического развития украинской народной музыки» М. Гринченко дает периодизацию в духе пресловутой теории «единого потока» М. Грушевского.

В предисловии указывается, что в некоторых работах сотрудников института «затушевывался вопрос единства и братских взаимосвязей культур русского, украинского и белорусского народов». Вопрос этот остался «затушеванным» и в данной книге. В самом деле, среди опубликованных работ мы не найдем ни одной, посвященной разработке этой необычайно актуальной и важной научной проблемы. В статье Гринченко влияние русской музыкальной культуры на развитие украинской народной музыки не раскрыто. Русская музыка рассматривается лишь как один из источников, который наряду (и) с западноевропейской музыкой оказал воздействие на народное творчество Украины.

Автор старательно выискивает всевозможные влияния и нагромождает их в таком количестве, что остается непонятным, какова же, собственно, доля самог украинского народа в созданной им народной музыке, поражающей красотой и богатством мелодий. В поисках «влияний» автор даже обращается к совершению набегов и разорившим население Киевской Руси и стоявшим ниже его по культурному уровню степным кочевникам — печенегам, половцам, татарами.

Общезвестно, что длившиеся в течение столетий периодические нашествия степных кочевников на Киевскую Русь оставляли страшные и опустошительные следы в жизни народа, сказывались самым губительным

образом на развитии его культуры. Резко отрицательно оценивал нашествие татар на Русь Карл Маркс. Как «позорное игло» рассматривал владычество татар на Руси товарищ Сталин.

Поларно противоположную позицию занимал в этом вопросе Грушевский, доказывавший, что татарское иго не причинило Украине ущерба и что часть Украины под этой новой властью даже много выиграла. А профессор Гринченко в работе, которую институт находит уместным публиковать в 1947 году, следуя за Грушевским, характеризует взаимоотношения поработителей и поработенных нейтральным и совершенно безобидным словеском «связи», твердит о каком-то «взаимороникновении элементов разных культур и их взаимоплодотворении».

Раскрывая исторический процесс становления украинской народной музыки, Гринченко пишет: «Связи с печенегами, половцами, позднее с татарами, Византия и южные славяне — все это не могло не оказать своей след и на народной музыкальной культуре Киевской Руси, когда достаточно широким источником вливаются в эту культуру новые элементы. Еще ранее мы фиксируем и наплыв известных влияний культуры, в том числе и музыкальной: путь «из варяг в греки» не мог остаться не заполненным в смысле оседания в нем известных элементов северной культуры».

Таким образом, родственные, племенные и культурно-исторические связи южных и восточных славян ставятся автором на одну доску с опустошительными набегами татар, а давно отброшенная наукой, как абсолютно несостоятельная, «теория» нормано-варяжского происхождения русского государства неожиданно получает здесь новый отзвук. Любопытно, что приведенное высказывание не мешает автору твердить в другом месте своей работы об экономическом, культурном и национальном гнете, которому подвергалось население Киевской Руси со стороны татар.

В рассматриваемой книге «Научных записок» отчетливо являю себя знание враждебных буржуазно-националистических концепций апологетически оцениваются деятели украинского национализма типа Кулиша. Во вступительной статье П. Попова к «Дням и месяцам украинского селения» М. Максимовича факт появления в 50-х годах XIX века «Записок о Южной Руси» матерого националиста П. Кулиша характеризуется как «важное событие», а «Записки» эти превозносятся как «первая степная работа». В другой статье того же автора «Исучение фольклора в Академии наук УССР за 25 лет ее существования» (1919—1944) к «значительным достижениям» украинской фольклористики относится деятельность буржуазного националиста, украинского помещика Драгоманова (выражение Ленина). Автор не находит ни одного слова критики по адресу националистических концепций Кулиша и Драгоманова.

Украинская дореволюционная фольклористика была погрешена, где нигде с прогрессивными демократическими тенденциями выступали крупные зубры украинского буржуазного национализма. А профессор П. Попов, в течение ряда лет являющийся одним из руководителей советской украинской фольклористики, не находит слова, чтобы с достаточной четкостью и непримиримостью разоблачить реакционную деятельность этих буржуазных националистов, вскрыть классовые основы этой деятельности. Вот какими максимально смягченными, прилагательными словами характеризует проф. Попов украинскую дореволюционную фольклористику. По его мнению, она «имела, наряду с достижениями, немало слабых мест, пробелов, недостатков, методологических недостатков».

Весьма глупо упоминать о враждебных националистических тенденциях фольклористической науке уже после Октября, автор, однако, уклонился от того (а это необходимо было сделать), чтобы назвать по именам буржуазных националистов, подвизавшихся в советские годы на поприще фольклора, и со всей большевистской непримиримостью разоблачить их вредную «деятельность», идущую вразрез с интересами украинского народа. Одного только М. Грушевского назвал в своем обзоре профессор Попов. Но как он это сделал? Академически бесстрашно, по существу аполитично. Имя Грушевского, одного из столпов украинского буржуазного национализма, состоявшего в числе главнейших контрреволюционных Центральной Рады на Украине в 1918 году, фигурирует в таком контексте, который свидетельствует о том, что упомянуто оно автором скорее в плане сохранения полноты обзора, а не в плане воинствующего разоблачения его буржуазно-националистических концепций. Подстрочная ссылка на то, что автор обзора когда-то, где-то прочитал на эту тему специальный доклад, не может это оправдать.

До чего может довести ученого превращенность к безразличию, абстрактному академизму, свидетельствует следующий выдержанный в авторе «Бедных людей» и «Двойника».

В главе, посвященной повестям о мечтателях, В. Кириптин указывает на то, что в них «главное свое внимание Достоевский, как художник, обращает не на условия, препятствующие деятельности, а на людей, не способных к деятельности». Из всего хода его рассуждений естественно вытекает, что переход от «Бедных людей» к повестям о мечтателях — шаг, если не назад, то в сторону от основной магистрали прогрессивной литературы «гоголевского периода». Поэтому нельзя согласиться с утверждением В. Кириптина: «Повести Достоевского о мечтателях являются как бы художественной параллелью к учению Белинского о действительности». Оно опровергается самим автором монографии, справедливо указывающим в «Заключении», что «только «Бедные люди» встрелили последовательное признание и восторг всех передовых людей Белинского и Гоголя, eines передового крыла русской общественности».

Тревожные сомнения Белинского в идеальной направленности молодого Достоевского вызваны уже «Двойником» и усиливались последующими за ним повестями о мечтателях. Будь они в действительности «художественной параллелью к учению Белинского о действительности», великий критик не отнес бы к ним с такой суровостью. Неупрежденность и шаткость идейных позиций писателя отразились и на художественной стороне этих произведений — в них реалист Достоевский прибегает к символической и фантастической манере, также вызвавшей осуждение Белинского.

Можно было бы поспорить и по ряду частных вопросов, но не они определяют характер книги, ее пафос. Знание фактов и умение их истолковать для аргументации и обоснования концепции, любовь и уважение к писателю не закрывают перед исследователем его пороков, идейная целенаправленность и большевистская принципиальность — все это делает книгу В. Кириптина «Молодой Достоевский» ценным вкладом в советскую науку о литературе.

Наталья Кочаловская. «Наши древняя столица». Картины из прошлого Москвы. Книга первая. Художник В. Фаворский. М.—Л. Детиздат, 1947 г., 88 стр.

важнейший факт. Проф. Попов излагает историю изучения фольклора в Украинской академии наук. Какие же периоды намечает он в этой истории, охватывающей 25 советских лет? А вот какие: «1) доинституционный; 2) институционный; 3) послеинституционный». Научные основы подобной «периодализации» вызывают в памяти историко-географические приемы авторов «Глушского летописца», содержание которого, как говорит Шедрин, «почти исключительно исчерпывается биографиями градоначальников».

В плену национализма оказался профессор В. Данилов — автор статьи «Галка в мушкетерах» Мариана Горжковского. Речь идет о пьесе второстепенного польского писателя прошлого века, страдавшего позицией польской шляхты, участвовавшей в восстании 1863 года и стремившейся вовлечь в это восстание украинское крестьянство. Совершенно четкая и единственно верная научная оценка отношения украинских крестьян к польскому восстанию 1863 года содержится в трудах В. И. Ленина, который писал по этому поводу: «Было бы весьма интересной исторической работой сопоставить позицию польского шляхтыча-политика 63-го года, позицию еврейского демократа-революционера Чернышевского, который тоже (подобно Марксу) умел оценить значение польского движения, и позицию выступавшего гораздо позже украинского помещика Драгоманова, который выражал точку зрения крестьянина, настолько еще дикого, сонного, приспособленного к своей куче навоза, что из-за законной ненависти к польскому пану он не мог понять значения борьбы этих панов для всероссийской демократии. (Ср. «Историческая Польша и всероссийская демократия» Драгоманова). Драгоманов вполне заслуживает восторженные похвалы, которыми впоследствии награждал его ставший уже национал-либералом г. П. Б. Струве» (Ленин, т. XVII, стр. 457).

Однако, проф. Данилов в этом вопросе солидаризировался не с Лениным, а с Драгомановым. В идейной концепции пьесы Горжковского он усматривает отражение куко-национальной и узко-классовой направленности автора.

Следует отметить, что в разработке научных проблем фольклористики и искусствознания автор сборника совершенно недостаточно использует богатейшую сокровищницу марксистско-ленинской науки, а также замечательное наследие основоположника социалистической литературы А. М. Горького. Наряду с этим некоторые авторы охотно и некритически цитируют Александра Веселовского без должного учета той критики, которой подверглось школа Веселовского в советском литературоведении. Так, определение эпоса А. Веселовским безоговорочно принимается одним из авторов книги — А. Кишко.

В редакционном предисловии отмечается, как один из недостатков работы института, перегрузка тематических планов института мелкими, малозначительными темами, уход в прошлое, недостаточное внимание к вопросам фольклора и этнографии Украины (1919—1944) к «значительным достижениям» украинской фольклористики относится деятельность буржуазного националиста, украинского помещика Драгоманова (выражение Ленина). Автор не находит ни одного слова критики по адресу националистических концепций Кулиша и Драгоманова.

Украинская дореволюционная фольклористика была погрешена, где нигде с прогрессивными демократическими тенденциями выступали крупные зубры украинского буржуазного национализма. А профессор П. Попов, в течение ряда лет являющийся одним из руководителей советской украинской фольклористики, не находит слова, чтобы с достаточной четкостью и непримиримостью разоблачить реакционную деятельность этих буржуазных националистов, вскрыть классовые основы этой деятельности. Вот какими максимально смягченными, прилагательными словами характеризует проф. Попов украинскую дореволюционную фольклористику. По его мнению, она «имела, наряду с достижениями, немало слабых мест, пробелов, недостатков, методологических недостатков».

Весьма глупо упоминать о враждебных националистических тенденциях фольклористической науке уже после Октября, автор, однако, уклонился от того (а это необходимо было сделать), чтобы назвать по именам буржуазных националистов, подвизавшихся в советские годы на поприще фольклора, и со всей большевистской непримиримостью разоблачить их вредную «деятельность», идущую вразрез с интересами украинского народа. Одного только М. Грушевского назвал в своем обзоре профессор Попов. Но как он это сделал? Академически бесстрашно, по существу аполитично. Имя Грушевского, одного из столпов украинского буржуазного национализма, состоявшего в числе главнейших контрреволюционных Центральной Рады на Украине в 1918 году, фигурирует в таком контексте, который свидетельствует о том, что упомянуто оно автором скорее в плане сохранения полноты обзора, а не в плане воинствующего разоблачения его буржуазно-националистических концепций. Подстрочная ссылка на то, что автор обзора когда-то, где-то прочитал на эту тему специальный доклад, не может это оправдать.

До чего может довести ученого превращенность к безразличию, абстрактному академизму, свидетельствует следующий выдержанный в авторе «Бедных людей» и «Двойника».

В главе, посвященной повестям о мечтателях, В. Кириптин указывает на то, что в них «главное свое внимание Достоевский, как художник, обращает не на условия, препятствующие деятельности, а на людей, не способных к деятельности». Из всего хода его рассуждений естественно вытекает, что переход от «Бедных людей» к повестям о мечтателях — шаг, если не назад, то в сторону от основной магистрали прогрессивной литературы «гоголевского периода». Поэтому нельзя согласиться с утверждением В. Кириптина: «Повести Достоевского о мечтателях являются как бы художественной параллелью к учению Белинского о действительности». Оно опровергается самим автором монографии, справедливо указывающим в «Заключении», что «только «Бедные люди» встрелили последовательное признание и восторг всех передовых людей Белинского и Гоголя, eines передового крыла русской общественности».

Тревожные сомнения Белинского в идеальной направленности молодого Достоевского вызваны уже «Двойником» и усиливались последующими за ним повестями о мечтателях. Будь они в действительности «художественной параллелью к учению Белинского о действительности», великий критик не отнес бы к ним с такой суровостью. Неупрежденность и шаткость идейных позиций писателя отразились и на художественной стороне этих произведений — в них реалист Достоевский прибегает к символической и фантастической манере, также вызвавшей осуждение Белинского.

Можно было бы поспорить и по ряду частных вопросов, но не они определяют характер книги, ее пафос. Знание фактов и умение их истолковать для аргументации и обоснования концепции, любовь и уважение к писателю не закрывают перед исследователем его пороков, идейная целенаправленность и большевистская принципиальность — все это делает книгу В. Кириптина «Молодой Достоевский» ценным вкладом в советскую науку о литературе.

## Правда о Достоевском

Р. УРАЛОВ

Н об одном русском классическом писателе не написано за рубежом столько лутаных статей и исследований, сколько о Достоевском. Реакционные литераторы немало потрудились над тем, чтобы исказить, опознать и оклеветать великого русского писателя. Фальсифицируя его взгляды, умалчивая отрывки Достоевского от исторических, классовых условий, реакционеры всех мастей кричат о «достоевщинах», как об истинном выражении «русской души», как о ключе к «разгадке тайны России». Именно Достоевского десятилетиями спекулируют враги прогресса.

Любопытно признание безомраченного Бердяева, заклейменного Лениным ренегата. Ныне Бердяев походит на шит западноевропейской декадентствующей интеллигенции и обведенный в «достоевщинах» реакционеры всех мастей кричат о «достоевщинах», как об истинном выражении «русской души», как о ключе к «разгадке тайны России». Именно Достоевского десятилетиями спекулируют враги прогресса.

Любопытно признание безомраченного Бердяева, заклейменного Лениным ренегата. Ныне Бердяев походит на шит западноевропейской декадентствующей интеллигенции и обведенный в «достоевщинах» реакционеры всех мастей кричат о «достоевщинах», как об истинном выражении «русской души», как о ключе к «разгадке тайны России». Именно Достоевского десятилетиями спекулируют враги прогресса.

Следует ли после этого удивляться, что Достоевский под пером бердяевцев превратился в патриота Европы, а не России, что он объявлен врагом гуманизма (ибо Достоевский, в отличие от Бердяева, не вложил о своем много о своего собственного мироощущения). Характерное признание!

Следует ли после этого удивляться, что Достоевский под пером бердяевцев превратился в патриота Европы, а не России, что он объявлен врагом гуманизма (ибо Достоевский, в отличие от Бердяева, не вложил о своем много о своего собственного мироощущения). Характерное признание!

Долг советских литературоведов покоится раз и навсегда с этой ложью, выявить из-под ног фальсификаторов самую почву, на которой они строят свои клеветнические измышления.

Книга В. Кириптина «Молодой Достоевский» хороша именно тем, что на основе богатого историко-литературного материала разоблачает многие реакционные легенды, покрывающие, как паутина, имя великого русского писателя. Автор показал сложную идеологическую обстановку, в которой

растал Достоевский — писатель и мыслитель. Не обходя мучительных противоречий, терзающих Достоевского, он дает убедительное марксистско-ленинское объяснение этих противоречий.

Особенно ценными нам представляются главы о социальном опыте Достоевского, о его взаимоотношениях с Белинским, о «проблеме человека».

Чуткость Достоевского к страданиям униженных и оскорбленных, страстное желание помочь им, — все, что нам дорого в его творчестве, основано на идеях, полученных в молодости в лагере русской революционной демократии, главным образом, от Белинского, первоучителя и наставника юности писателя. Позднейшие реакционные влияния не могли вытравить из сознания автора «Бедных людей» усвоенных им в юности идеалов.

В. Кириптин подробно говорит об эпохе 40-х годов. В главе «Достоевский и Белинский» он показывает огромное воздействие «неизвестного Виссариона» на Достоевского, непосредственного, колебавшегося и готового усомниться в правоте боевого гуманизма. Близость к чуткому и непримиримому Белинскому помогла художнику преодолеть сомнения — он становится нетрадиционным.

Несомненным является и читателя вызовут главы книги об особенностях реализма Достоевского 40-х годов и о важнейших особенностях его стиля этого периода.

ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ ЗАСЕДАЕТ ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ МИНИСТРА ТОРГОВЛИ...

Мастера новеллы иной раз жалуются на нехватку заводских сюжетов с интригующей завязкой. А вот — чем не сюжет? Директор завода задумал выпускать новое, пользующееся большим спросом изделие. Коллектив горячо воспринял хорошую идею и основательно потрудились. Разработаны чертежи. Изготовлены штампы, приспособления. Приобретен специальный инструмент. Сделан образец, одобренный Экспертным советом. Заводу присуждена премия в 25 тысяч рублей. Но прошел месяц, а за премией в Экспертный совет никто не явился. Разве не интересная завязка?

Разработкой этого сюжета следовало бы, по советам сказать, заняться не столько директору, сколько министру авиационной промышленности: на многих подведомственных ему заводах такой добровольный отказ от получения премии — явление довольно обычное, хотя, казалось бы, и необычное. В чем же тут дело? А в том, что присужденные премии выдаются при соблюдении одного небольшого, но весьма существенного условия: за утвержденным образом должен последовать серийный выпуск продукции. А это представляется некоторым товарищам делом слишком хлопотливым. И, проявив полезную инициативу, изрядно по поводу ее надувшись, затратив немалые деньги на проектирование, подготовку производства и изготовление единственного образца, они решают, что с ним возиться нет больше никакого смысла: бог с ней, с премией...

Один завод отказался, таким образом, от выпуска коммутационных электрических холодильников... Другой с большим запозданием признал «трепетособразный» производственный процесс... Третий счел для себя чрезмерно обременительной возню с патентами... Четвертому вдруг возразились электрические чайники... А о чем же директор этих предприятий думал раньше, до затратив усилий заводских коллективов, до затратив больших государственных средств? И что

думают по этому поводу в Министерстве авиационной промышленности? Такой же вопрос следовало бы задать и Министерству автомобильной промышленности, вооружения, судостроительной промышленности. Заседающий в Москве Экспертный совет при павильоне лучших образцов товаров ширпотреба утвердил в разные сроки представленные предприятиями этих министерств первые экземпляры набора домашних инструментов, электрического кофейника, параллельных тисков, комбинированной масурубки, цельнометаллического матраца, детского детекторного приемника, кофейной мельницы...

Почему этих вещей нет в продаже? Все по той же причине: израсходовать государственные средства на образец и похвастаться в Экспертном совете своей «инициативой» легче, чем всерьез осваивать выпуск ширпотреба. Попумели — и хватит... Других, настоящих, уважительных причин невыполнения «образцовых», с позволения сказать, обещаний нет и быть не может. Конечно, у каждого предприятия есть своя основная производственная план, но выполнение его никак не исключает выпуска предметов широкого потребления. Что же касается «трудностей освоения» кофейника или масурубки, об этом просто смешно говорить: хорошо известно, что те же заводы освоили и осваивают, выпускали и выпускают вещи куда более сложные.

Едва ли не самое пикантное заключается, однако, в том, что от выполнения своих обязательств уклоняются, махнув рукой на премию, и предприятия Министерства местной промышленности, хотя их основная задача — выпускать товары для массового потребления. И все же... Первомайский фарфоровый завод изстрелял изрядные силы и деньги на изготовление единственного образца чайного сервиза, выслушал в Экспертном совете похвалу — и на том успокоился. Металлозавод Краснопресненского рай-

промтреста принял обязательство выпустить по представленному им образцу тысячи керогазов новой конструкции. А выпускает их в таком количестве, что невозможно удовлетворить спрос даже ближайших родственников работников заводоуправления. Московский райпромтрест уклоняется по изложенным выше соображениям от получения премии за отличную игру для подростков «Пэшо-конструктор».

Директор мебелиной фабрики № 1 потуже подтора года никак не может решиться: быть или не быть одобренному экспертами бугету? Где кровати-тахты, обещанные заводом «Металлодеталь» № 1? Все же, к сожалению, не перечислять. Остается сказать еще только одно: Экспертный совет, утверждающий образцы новых товаров и присуждающий премии, заседает под председательством министра торговли СССР тов. Любимова. Министерство торговли, как это можно понять из его названия, занимается торговлей, а не производством товаров широкого потребления. Но тот факт, что министр торговли руководит Экспертным советом, свидетельствует, что это министерство призвано представлять интересы потребителя, заинтересованного в обилии товаров ширпотреба.

Почему же министр торговли удовлетворяется утверждением опытного образца на заседании Экспертного совета? Почему он не интересуется — появляются ли в конце концов в подведомственных ему магазинах те кофейники или масурубки, которые поправилась министру, когда были в единственном числе представлены на утверждение? Пусть министр торговли тов. Любимов смелее требует от других министерств внедрения в производство лучших образцов изделий широкого потребления! Он имеет на это право, потому что таково требование миллионов людей, которые надеются, что заботы министра торговли о потребителях простираться дальше экспертизы.

Мих. ЗЛАТОГОВ

Переключка пятилеток

Недавно мы познакомились в Магнитогорске с человеком простой и вместе с тем удивительной судьбы. Зовут его Михаил Махнев. Он — коренной магнитогорец. В 1930 году Махнев начал свою работу на Магнитке землекопом. Теперь он инженер-орденоносец, партийный руководитель одного из крупнейших в стране мартовских цехов. Малограмотный деревенский парень из села Нижнего, Кировской области поехал на стройку «защитить пенку». Вместе с Махневым тронулись в путь еще несколько человек из села — землекопы, плотники, штукатуры. Это был традиционный летний уход на заработки; сезонники рассчитывали до зимних холодов вернуться домой. Стройка им не понравилась. Азиатская жара. Тучи черной пыли, которая ест глаза. Ни уголка тени, ни глотка воды. В бараке немощная теснота; семейные и холостые жили вместе. Придешь с работы — жутко, — рассказывал Махнев. — Кто смеется, кто плачет, кто в карты дуется, кто песни поет. И песни какие-то тягучие — одна тоска. Земляки говорят: «Мишка, айда домой!». Сначала хотел тикать, но потом передумал. Как раз тогда котлован под первую коковую начинала ковать Бригадиром меня назначили. Договор на соревнование заключили. Так и застрял на Магнитке... А потом учиться стал: сначала на рабфаке, потом в вечернем институте при заводе; защитил диплом, стал инженером. Какое-то неясное воспоминание вызвал в нас этот рассказ. Где мы слышали или читали о чем-то похожем? В тот вечер, когда происходила наша беседа, Махнев собрался с женой и дочкой во Дворец культуры металлургов, на оперный спектакль. Мы не стали его задерживать, а сами зашли в библиотеку. Книга, которую нам затеялось почитать, оказалась на полке. Раскрыли книгу и угадали прочли: «...Приехал сезонником, землекопом, денег сколотить. Первые дни тосковал. Степь — но чужая. Звезды — но чужие. Песни — и те чужие. А работа — громадная. Помню мою привку. Стал разбираться. Стал бригадиром». Это было «Время, вперед!» Валентина Катаева.

Страница рассказывала о бригадире бетонщиков — Ищенко. Мы встретились с одним из героев книги, написанной пятнадцать лет назад. Его судьба сама говорила за себя. Живая жизнь как бы продолжала книгу... Здесь было над чем призадуматься. Катаев понял на Магнитострое самое главное. Этим главным было созревшая решимость тысяч и тысяч Ищенко остаться на стройке; в показать на Магнитострое такие темпы, каких не знал мир. Это был энтузиазм масс, разливший знаменитый дозунг «Пятилетка в четыре года» Это была смелость большевистской партии, возманившая борьбу народа за превращение лозунга в жизнь. Мы помним, что противостоял Ищенко, передовому инженеру Маргулису и другим энтузиастам стройки, кто всячески пытался сорвать их «рискованные эксперименты». Инженер Налбандов, предельщик и оппортунист, внутренне насковоз прогнивший человек, лезавший перед американскими гурстами в ненавиденный все советское, переделочное, революционное. Сила строитель Магнитостроя была не только в том, что они были пламенными мечтателями и энтузиастами, шедшими на любое самопожертвование ради достижения поставленной цели. Сила их была в том, что она раскусила Налбандовых, вступила с ними в борьбу, смела их со своего пути. В этом же была и сила партийной книги беспартийного писателя Валентина Катаева. Катаев изобразил Ищенко в переломный момент его жизни. Вчерашний сезонник становится вождем ударной бригады. Ищенко борется за мировой рекорд на клалке бетона; его беременная жена Феня трудится на субботнике — таскает доски на строительство яслей. Живут они в темном и душном бараке, но в мечте своей отчетливо видят будущий прекрасный го-

род. И они страстно ждут ребенка... «И вся эта жизнь, — и то, что было, и то, что есть, и то, что еще будет, — не зря. Все это для него, для того маленького, кого еще и на свете нет, во который будет. Обязательно будет...» Мы закрыли книгу и подумали о Махневе, который в эти минуты вместе с женой и дочкой сидел в театральном зале великопленного Дворца культуры и слушал музыку. Мечта не обманула этого человека. Хотелся рассказать еще об одном магнитогорце, чья подлинная история переключается с другим замечательным произведением советской литературы. Крестьянин-бедняк из Тамбовской области Иван Летнев пятнадцать лет назад приехал на Магнитострой — «опытаться счастья». Человек этот вырос в косной, захолустной среде, где издавна укоренилось недочеловечное отношение ко всяким планам лучшего устройства жизни. От стариков он слышал не раз: «Думе на счастье не поддавайся... Думь — за горами, а беда — за плечами». Думой Летнева, его мечтой было обрести квалификацию, прочно стать на ноги, заслужить уважение окружающих своим трудолюбием, мастерством. Он начал с чернорабочего. Потом его поставили люковом к коковой печи. Кто бывал в коковых цехах, тот знает, какой это тяжелый труд. Загрузить огромную печь, закрыть люк, залить их раствором, — и все это в считанные минуты, в жару и дыму... К концу смены Летнев становился черным, как смола. Другой, может быть, давно бы сбежал отсюда, — а он ни разу не полагнул, что можно покинуть работу полнее. Он знал, что без кокса не дать чугуна, а без чугуна не будет стали, а без стали — никогда не быть той богатой, счастливой жизни, в которую он верил теперь все больше и больше... Летнева назначили мастером коковой печи. Его портрет был напечатан в заводской газете. Он стал одним из самых почетных и уважаемых людей стройки. Вспомните образ Ивана Журкина в ярком и страстном романе Александра Малышкина «Люди из захолустья», посвященном Магнитострою. Вспомните мысли Журкина о счастье, о жизни, в которой «дело стояло бы только за мастерством». Малышкин показал нам начало трудового пути бесчисленных «людей из захолустья», пришедших в годы пятилетки на стройки и ставших рабочими. В живой судьбе магнитогорца Ивана Летнева мы видим, на какие вершины привел «людей из захолустья» этот путь. Подготовка к пуску первой домы Магнитостроя была завершена к началу 1932 года. Стоял сорокаградусные жестокие уральские морозы. Круглые сутки сверпестовали на площадке строительства неистовые ветры. Разоблаченные последствия враждебные элементы заодно с американскими консультантами из фирмы «Мак-Ки» отрицали всякую возможность пустить дому в подпольных условиях. Американцы утверждали, что пуск домы зимой противоречит мировому опыту строительства металлургических предприятий. Они предрекали: «Этот безумие, это выше человеческого сил, морозы вас убьют». Магнитогорцы не вяла всем этим «советам» и «предупреждениям». Они пошли своим путем и победили.

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО АШУГА

В связи с десятилетием со дня смерти Сулеймана Стальского в Центральном Доме литераторов состоялся вечер, посвященный памяти дагестанского ашуга. Вечер открыл Н. Тихонов, ярко и образно рассказавший о своих встречах со Стальским, о жизненном и творческом пути поэта.

С докладом выступил Г. Коробельников. А. Безымянский, С. Липкин, Х. Аскар-Сарыжа, Л. Пасников поделились воспоминаниями о Стальском. Переводы стихов дагестанского поэта читали С. Липкин, А. Безымянский, П. Шубин, артист В. Брагин. Ирма Янзиев исполнила песни народов Кавказа.

В Махач-Кала состоялось собрание работников литературы, науки, искусства, представителей общественных организаций, посвященное десятилетию со дня смерти великого ашуга — народного поэта Дагестана Сулеймана Стальского.

Повсеместно в городах и аулах республики проходит собрания памяти Сулеймана Стальского. На родине поэта в ауле Ашага-Сталь в эти дни дом-музей Стальского посетили сотни колхозников. Памяти поэта было посвящено заседание Ученого Совета Дагестанского Академии наук СССР. В Дагестанском государственном издательстве вышел из печати на дагестанском языке одиотомик избранных сочинений Сулеймана Стальского. Издаются сборники произведений поэта на кумыкском, аварском, даргинском и других языках народов Дагестана.

Памяти Сулеймана Стальского в г. Махач-Кала. Фото П. Макрушинева.



Памятник Сулейману Стальскому в г. Махач-Кала. Фото П. Макрушинева.

В связи с десятилетием со дня смерти Сулеймана Стальского в Центральном Доме литераторов состоялся вечер, посвященный памяти дагестанского ашуга. Вечер открыл Н. Тихонов, ярко и образно рассказавший о своих встречах со Стальским, о жизненном и творческом пути поэта.

С докладом выступил Г. Коробельников. А. Безымянский, С. Липкин, Х. Аскар-Сарыжа, Л. Пасников поделились воспоминаниями о Стальском. Переводы стихов дагестанского поэта читали С. Липкин, А. Безымянский, П. Шубин, артист В. Брагин. Ирма Янзиев исполнила песни народов Кавказа.

Конференция критиков в Союзе писателей

На днях в Союзе советских писателей СССР открылась конференция-семинар критиков, приехавших в Москву из республик, краев и областей РСФСР. Вступительное слово о задачах литературной критики сделал А. Фадеев. А. Фадеев призывает критиков к активному вмешательству во все процессы и явления советской литературы, к борьбе за высокую художественность произведений. Большое количество выходящих у нас книг не находит оценки в печати. Из сотни произведений, выпускаемых «Советским писателем» и издательствами на периферии, рецензируются лишь десятки. Коротко останавливаясь на работах А. Н. Веселовского, А. Фадеев подчеркнул, что, несмотря на большие заслуги этого крупнейшего ученого, он никогда не был последователем русских революционеров-демократов и концепция его очень далека от их учения. — Советская литературная наука не смеет двигаться вперед, — говорит А. Фадеев, — если мы не вскрыем ошибок А. Н. Важнейшей задачей советской критики, — продолжает А. Фадеев, — является борьба с пережитками буржуазного национализма, все еще дающего себя знать в произведениях некоторых литераторов. Эти пережитки сказываются в идеализации прошлого, когда периоды угнетения народов изображаются, как «золотой век».

Реплика „Вечерней Москве“

В номере «Вечерней Москвы» от 1 ноября 1947 года появилась редакционная статья «Кто и кого дезориентирует?», являющаяся ответом на мою статью в «Литературной газете» от 22 октября. Вообще говоря, можно было бы только просто пожелать, что редакция «Вечерней Москвы» этой редакционной статье подписались под неверной по существу и беспомощной по форме рецензией своего театрального рецензента Д. Михайлова, недостатки которой, как мне кажется, я довольно объективно разобрал на страницах «Литературной газеты» и которая не заслуживает того, чтобы возвращаться к ней второй раз. Единственное, что может быть, следует еще сказать об этой рецензии, — это то, что она принадлежала перу театрального рецензента, автору, выступающему со статьями о театре не впервые. Именно поэтому трудно понять, почему «Вечернюю Москву» так обидело мое справедливое требование, чтобы люди, постоянно занимающиеся театром критикой, профессионально знали вопросы театра и драматургии. Речь ведь шла не о письме читателя, а о статье рецензента. Что же до наших читателей и зрителей, то «Вечерняя Москва» совершенно напрасно обижается за них. Я вполне согласен с тем, что наши читатели и зрители, действительно, очень часто высказывают глубокие и верные мнения по вопросам искусства, и мне остается только посоветовать «Вечерней Москве», придерживаясь этого правильного мнения, писать побольше хороших читательских писем и поменьше плохих театральных рецензий.

За образцовую полиграфию

Не „когда-нибудь“, а сегодня

Печатайте — друг писателя. Не если книга полна опечаток, потому что небрежно набрана, если строки так густо выстроены, что сливаются в мазорборчивую «икру», потому что книга плохо сверстана, если печатать ее сера и тускла, если книга рассыпается по листам или, напротив, так туго сшита, что внутренние края страниц остаются недостижимыми для глаза, если книга плохо сброшювана, то тогда о дружбе говорить не приходится. Как случилось, что полиграфия (кстати сказать, не имеющая доньше единого центра управления), наша полиграфия, насчитывающая в своем активе немало высоких достижений, так часто опускается на недопустимо низкий уровень?

Как случилось, что выпускаются книги, оформленные с возмутительной неряшливостью? Как случилось, что полиграфия — единственная отрасль производства, которая не совершенствуется? Почему случилось так, что полиграфия отстает от общего подъема советской индустрии? Почему мы не видим среди печатников своих Российских и Матросовых? Завода о подготовке кадров для полиграфии лежит на Министерстве трудовых резервов, возглавляемом тов. В. П. Прохоровым. Не знаю, беспоят ли тов. Прохорова обстоятельства, что армия полиграфистов уменьшилась по сравнению с довоенным временем.

Повидимому, нет. Ибо подготовка полиграфических кадров ведется министерством из рук вон плохо. Среди многочисленных инспекторов министерства нет ни одного, который наблюдал бы за полиграфическими училищами, руководил ими. Училища остаются в полном смысле слова беспризорными. Даже должности инспектора по полиграфическим училищам не предусмотрено штатным расписанием министерства. Все здесь отлапо во власть самотеку. Со странным пренебрежением относится министерство к подготовке полиграфических кадров. В Риге, например, министерство было передано обширное здание для размещения полиграфического ремесленного училища. Но вот уже в течение нескольких месяцев здание пустует и, видимо, в конце концов будет отянуто у министерства, не уместного или не желающего использовать щедрый дар латвийского народа.

И в Москве картина не более отрадная. Существует здесь ремесленное училище № 3 — самое крупное в Москве. В нем обучалось около четырехсот будущих полиграфистов. В роковой для этого учебного заведения августовский день 1947 года министерство одним росчерком пера превратило училище в собственную типографию министерского издательства «Трудрезервиздат». Это сопровождалось подлинным разгромом учебного заведения. Число воспитанников сократили до двухсот. Лионтишты, в которых есть большая нужда, здесь больше готовить не будут, а лишь — рабочих низшей квалификации. Даже библиотека с

ее одиннадцать тысячам томов выброшена из своего помещения, и там сейчас высосают калкулятор, плановик и другие дребезги министерского типографа. Производит ныне это предприятие «Трудрезервиздат» убогие брошюрки, содержащие в себе учебные программы для полиграфических училищ. Таким образом, для того, чтобы издать учебные курсы для полиграфического училища, министерство не нашло ничего лучшего, как фактически развалить это самое училище. Юноши и девушки, которые должны были, согласно программе, на втором году обучения практически изучать сложные виды работ, вроде книжно-журнальных таблиц, математического набора, верстки, — заняты примитивным набором тех самых программ, по которым им не суждено учиться. Право же, все это похоже не столько на издательство, сколько на издательство!

Еще два года назад было вынесено решение об организации в Москве художественной школы мастеров полиграфии. Решение есть, но школы нет. А такая школа мастеров жизненно необходима. Ибо существующие ремесленные училища выпускают, главным образом, ручных наборщиков, которых, кстати сказать, каждая типография готовит сама из себя. Нужны литописцы. Нужны граверы, ротационеры, офсетчики. Нужны квалифицированные мастера книги. Не пора ли Министерству трудовых резервов всерьез подумать о полиграфии?

Еще один вопрос: о переплете. Вопрос отнюдь не мелкий, как это, вероятно, кажется Министерству трудовых резервов. Переплет не только сохраняет книгу. Он ее украшает. Он сам может быть произведением высокого искусства. Он является признаком культурного отношения к книге. Но попробуй перевернуть книгу! Вы можете, если хотите, купить автомобиль «Москвич». А перевернуть книгу нет. Старые мастера разберлись. Новых нет. В подготовке полиграфических кадров надо произвести крутой перелом. А для этого надо прежде всего изжить те унаследованные настроения, которые существуют на этот счет в Министерстве трудовых резервов. Один из его руководителей работников, начальник Главного управления учета и распределения рабочей силы, тов. Мойсеев заявил по этому поводу:

— Этот вопрос (подготовки полиграфических кадров. — Л. С.) никто не интересуется и не занимается. И вряд ли кто-либо когда-нибудь и займется, настолько я предвижу обстановку... Мы позволим себе не согласиться с этим странным заявлением! Над паром отчетливо гнет красную, прочную книгу, культурно оформленную высококвалифицированными мастерами. А раз народ хочет это иметь, — он будет это иметь, вопреки унылым «предвидениям» пессимистически настроенного товарища Мойсеева. Воспитанием кадров для полиграфии должен заниматься не кто-либо, а Министерство трудовых резервов и не «когда-нибудь», а сегодня!

Неделя детской книги

Это стало хорошей традицией: ежегодно Детиз совместно с культурно-массовым отделом ВЦСПС проводит в Колонном зале Дома союзов «Неделю детской книги». В нынешнем году «Неделя детской книги» начнется 5 декабря. На утренниках и вечерах дети всех возрастов — от самых маленьких до школьников старших классов — встретятся с писателями, художниками, артистами, героями произведений советской литературы. В фойе и залах Дома союзов будут установлены книжные киоски, организованы выставки детской книги, литературные игры, аттракционы.

Уже сейчас идет подготовка к «Неделе». В домах пионеров, школах и библиотеках проводятся читательские конференции, литературные вечера и утренники, творческие отчеты детских писателей, сморы художественной самостоятельности, конкурсы на лучшее чтение художественных произведений. В Горьковском Доме юных пионеров на днях побывали в гостях писатели С. Маршак, С. Михалков, М. Ильин, Е. Влагинина, Н. Кончаловская и другие. Детский дом культуры Бауманского района устроил читательскую конференцию, посвященную творчеству А. Гайдара, в которой приняли участие 47 пионерских отрядов района.

Президиум Союза советских писателей СССР о присяжном соблюдает о смерти писателя АЛЕКСЕЯ ЯКОВЛЕВИЧА ДОРОГОЙЧЕНКО, последовавшей после продолжительной болезни в гор. Куйбышев.

Президиум Союза советских писателей СССР

С. М. ЛЕВ-САВИН

Умер Савелий Моисеевич Лев-Савин — писатель, посвятивший свое творчество разоблачению империализма, античеловеческой гущности империализма. Первая же его книга, посвященная мировой войне 1914—1918 годов, «Клики», приобрела широкую известность. Он изложил историю татарского режима в родине — наместе «Возвращение Кавказа» и авторизованного английского колониатора в романе «Нафта». И трудные дни первой мировой войны, в осажденном Ленинграде, тяжело больной Савелий Моисеевич не оставил работы над своим родным. За несколько дней до смерти писатель выверил свой труд о героине Ленинградских — работников искусств. Никого не сохранилось в памяти всех знавших Савелия Моисеевича его неиссякаемая энергия, любовь к людям, страстная преданность своему делу, делу советского литератора. В. Вышневецкий, Г. Береза, С. Ващенко, Ю. Лукин, П. Павленко, Н. Тихонов, М. Толочков, Н. Гринберг, Л. Субочкин, Б. Лавренко, К. Фелин, А. Егоров, Вс. Иванов, Е. Ковальчик, В. Бабочкин, К. Паустовский, Б. Брагин, Г. Сорокин, Е. Рысь, Т. Сильман, В. Алюнов, Е. Златова, Л. Пасников, Г. Фил.